

УПРАВЛЕНИЕ:

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ

Санкт-Петербург
2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Бордовский Г. А. Предисловие	5
Введение	7
РАЗДЕЛ I. Управление: общеметодологические проблемы	31
Глава 1. Управление как персонифицированная социальная реальность: познавательный аспект	33
Глава 2. Личность и управление: социально-философский анализ	64
Глава 3. Природа инноваций и некоторые проблемы инновационного управления	98
Глава 4. Управление качеством, или качество управления	131
Глава 5. Социологический подход к исследованию управления	170
Глава 6. Управление в контексте техносоциальной концепции общества	186
РАЗДЕЛ II. Проблемы менеджмента, бизнеса, управления образованием	235
Глава 7. Система механизмов современного менеджмента и эволюция бизнеса	237
Глава 8. Теоретические основы современного менеджмента	270
Глава 9. Национальные деловые культуры и кросскультурный менеджмент	334
Глава 10. Управление и образование в современном российском обществе	362
Глава 11. Образование и управление в XXI веке: некоторые мировоззренческие постулаты	392

Глава 12. Справедливость и социальный порядок как дилемма современного управления	434
Заключение	475
Наши авторы	478

ГЛАВА 6

УПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОСОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВА

1. Проблема становления социальной теории.

Социальное знание к настоящему времени еще не приобрело вид научной картины общества, подобной естественно-научной картине природы, и не обладает теоретическим единством, базирующимся на некотором объективном основании. Не построена фундаментальная, согласующаяся с естествознанием социально-теоретическая модель общества, показывающая развитие всех сфер общественной жизни в их целостности, с позиции единых принципов и законов. Соответственно, поскольку отсутствует социальная теория, подобная теоретическому естествознанию, постольку социальной философии не на что опереться, кроме непосредственного исторического опыта, и постольку у социального научного познания, в свою очередь, нет необходимой философской базы. Поэтому социальная философия и теоретическая социология по сути совпадают, социальная философия выполняет компенсирующую онтологическую функцию, как это было с натурфилософией в донаучный период.

Однако, говоря о моделях общества, не следует смешивать реальные исторические общности и теоретическую модель общества, подобно тому, как не смешивают реальное падение тел и теоретическую модель свободного падения. Естествознание не предписывает того, как должно падать тело, оно просто описывает реальное падение, т. е. то, как тело падает. Оно не говорит — правильно ли текут реки, хороший или плохой климат и т. п. То же самое можно отнести и к социально-научному познанию, которое должно указывать, что будет в том или ином случае, в той или иной ситуации. Как естествознание не указывает человеку, что нельзя прыгать с большой высоты без технических средств, что стены домов надо ставить вертикально, а фундаменты класть горизонтально, — оно только указывает закон, а люди сами делают выбор; так и социально-научная теория, будучи всеобщей моделью общественного развития, должна показывать его закон, на основе которого люди могут делать сознательный выбор технического и социального действия.

От Ньютона никто не требовал определения способов применения открытого им закона всемирного тяготения и тем более способов его преодоления. Важно то, что стало понятно, почему стены домов должны быть вертикальными. Так и знание законов социальности должно явиться для социального конструирования тем же, что и законы механики для строительства зданий. Научные законы не предписывают ни истинное количество этажей в домах, ни истинные способы распределения в них квар-

тир, они только объясняют условия, которые надо соблюдать, чтобы дома и общества не разрушались сами собой.

Естествознание, объясняя природу, устанавливает некие ограничения, запреты в области материально-технической деятельности, оно указывает — *что* невозможно или нельзя делать и только через это «невозможно» и «нельзя» определяется круг того, что возможно и можно. Видимо, и социально-научное знание должно работать по этой же схеме и определять те состояния общества, которые невозможно осуществить или нельзя допускать, иначе оно погибнет, а на этой основе уже очерчивать круг возможных состояний, определять «коридор решений».

Социально-научное знание представлено на эмпирическом уровне и лишено социально-теоретических оснований, функции которых выполняют определенные элементы идеологической сферы. Обществознание, в отличие от естествознания, не объясняет практику, а идеологически обслуживает субъектов социальной деятельности в их взаимной борьбе друг с другом. Соответственно, если практическая полезность естествознания является общечеловеческой, поскольку знание природы для всех полезно само по себе, то знание законов общества как такового, напротив, не содержит какой-либо конкретной полезности. Социальное знание становится полезным тогда, когда оно учит способам ведения социальной борьбы. Умение «перехитрить» природу и умение перехитрить человека — это качественно разные умения.

На протяжении многих лет в широком употреблении находится тезис о том, что по мере увеличения масштабов общества возрастает потребность в научных основаниях управления им. Прикладное социальное знание, безусловно, необходимо для выживания в борьбе за существование в пределах самого общества. Сюда можно отнести социологию, психологию, политологию, экономику. Но все это по типу знания принципиально не отличается от естествознания, обеспечивающего возможность выживания людей в природе.

Как и естествознание, научно-теоретическое социальное познание предполагает возможность построения идеальной модели объекта в качестве основного средства познания. В обществознании появлению научной теории мешает его идеологический характер, поэтому в нем господствует плюрализм. На собственно научной основе, — в социологии, психологии, — осуществляется разработка средств борьбы (экономической, политической, идеологической, военной). Теоретическое социальное познание не в состоянии ни построить модель всеобщей социальной гармонии, ни обосновать чье-либо преимущественное право на существование. Поэтому социальная теория всегда остается, во-первых, утопией и мифом, а во-вторых, идеологией, духовным средством реализации опре-

деленных материальных интересов. С одной стороны, она направлена на предотвращение вхождения общества в состояние тотальной войны всех против всех, а с другой — мобилизует людей на борьбу за свое выживание.

Исходная методологическая позиция в рассмотрении общества состоит в определенном ответе на вопрос о том, может или не может общество (человек как вид) в принципе полностью обеспечить себя необходимыми ресурсами жизни, то есть обеспечить полное выживание всех своих членов, подразумевая под полным выживанием принципиальную возможность для каждого отдельно взятого индивида прожить всю жизнь, продолжительность которой определяется его естественными особенностями и достижениями цивилизации. Выбор ответа здесь не связывается с вопросом о численности народонаселения (за исключением абстрактных предельных значений) и действием всякого рода случайностей на уровне индивидуальной и общественной жизни. Критерием принципиальной возможности полного обеспечения общества ресурсами жизни является отсутствие необходимости внутривидовой борьбы за их распределение. Иначе говоря, это главная теоретическая альтернатива в объяснении законов общественного бытия, а именно — может или не может человечество обеспечить в процессе материального производства всеобщее благополучие, то есть (в простом витальном измерении) накормить, обуть и одеть всех жителей Земли? Либо «да», либо «нет» — именно тут находится ключ к пониманию человеческого способа жизни.

В зависимости от ответа мы получаем два варианта понимания всеобщего социологического закона, в соответствии с которым возможны принципиально разные социально-теоретические модели общества. На базе любой из двух противоположных посылок строится самостоятельная система социальной философии и философской антропологии. Следовательно, прежде чем начинать *теоретические* дискуссии по тем или иным социальным проблемам, надо определиться с выбором исходной позиции. Если они разные, то дискуссия оказывается бессмысленной.

Величайший миф индустриальной эпохи — это вера в абсолютный прогресс, позволяющий обществу достичь гармонии во всех сферах бытия на основе неуклонного роста производительных возможностей. При всей гуманистической направленности он в конечном счете всегда служил прикрытием и оправданием глубокой социальной дифференциации, вселяя в представителей низших слоев веру в лучшее будущее, общесторический оптимизм, выходящий за пределы живущего поколения. От религиозного мифа он отличается только тем, что во главу угла ставит другой источник всеобщего блага — труд на основе научно-технического прогресса.

Исходя из этого мифа, сформировалась и основная социально-философская парадигма, единая для большинства направлений, зачастую далеко отстоящих друг от друга в общеполитическом плане. В соответствии с ней несовершенство человеческого бытия обусловлено, главным образом, действием «закона людей», а не «закона вещей». Это означает, что со стороны природы нет непреодолимых препятствий для нормального обустройства жизни людей; основные препятствия на пути к такому обустройству исходят от самих людей, от их собственных пороков и неумения наладить свою общественную жизнь. Иначе говоря, люди могут преодолеть природу, но не могут преодолеть себя. Отсюда следуют два альтернативных вывода: либо надо менять существующую систему отношений, создавать новую, обеспечивающую каждому индивиду возможность человеческого существования (путем социальной революции или социальных реформ); либо надо смириться и принять все как предустановленную данность природного или божественного происхождения.

Дальше всех в раскрытии закона вещей пошел К. Маркс, показавший, как из особенностей материальной жизни проистекают особенности общественного устройства. По К. Марксу, на определенном этапе материально-технического развития, когда наука становится непосредственной производительной силой, а человек вытесняется из непосредственного производственного процесса и начинает управлять им, общественное устройство становится последним и единственным препятствием для обеспечения всеобщего блага. Устранив это препятствие и опираясь на высокоразвитые производительные силы, люди смогут вступить в подлинное царство свободы, как над вещами, так и над самими собой; и тогда ничто уже не будет мешать неограниченному прогрессу во всех сферах человеческого бытия, причем все будут иметь равный доступ к достижениям этого прогресса. Слабым местом марксистской модели общества является отсутствие ее позитивно-научного обоснования, вследствие чего, как и в объективно-идеалистической схеме, в основу направленности общественного процесса ставится допущение абсолютного прогресса, а на первый план выступает фактор коммунистического воспитания человека.

В рамках абсолютистской модели общества параллельно с марксистской сформировалась и сейчас стала господствующей противоположная оценка человеческого фактора, которая состоит в том, что именно коммунистические отношения являются тормозом, мешающим реализовать людям все свои потенциальные возможности для своего собственного и общего блага. Только свободная деятельность и личная предприимчивость на базе частной собственности позволяют обществу достичь наиболее высоких результатов и обеспечить соблюдение естественного равенства людей, состоящего в личной свободе и равенстве прав.

2. Техносоциальная формула общества.

Общеизвестная формула жизни состоит в том, что численность живых организмов определяется массой пищевых ресурсов, имеющихся в среде обитания, и не может превысить уровень равновесного состояния, являющийся абсолютным. Существование общества также можно описать как функционирование и развитие органической системы, поддерживающей свое существование потреблением ресурсов среды. Соответственно, масса системы ограничивается массой доступных ресурсов и изменяется вместе с ней в некотором интервале между критическими значениями минимума и максимума. Но в отличие от природных ассоциаций живых организмов, общество с помощью техники универсализирует использование окружающей среды, непрерывно наращивает ресурсную базу и обеспечивает свое расширенное воспроизводство, постоянно преодолевая уровень максимума, устанавливаемого определенным технологическим способом жизни.

Объективный закон существования людей в окружающей природной среде тот же, что и закон существования живых организмов в среде обитания, а именно: выживание. Никакого особого предназначения общества в природе нет, и это следует признать, если не покидать естественнонаучных позиций. Человек и животное совершенно одинаковы по статусу потребителей ресурсов среды, и людей отличает лишь то, что, во-первых, их отношения строятся на основе производственно-природного равновесия, когда природная среда, благодаря труду, используется универсально, и сфера материального единства общества и природы постоянно расширяется; во-вторых, столь же универсален и предмет их отношений, не ограничивающийся, как у животных, пищей и брачностью; в-третьих, отношения между людьми осуществляются в виде осмысленных действий на основе нормативно-ценностной ориентации и с использованием технических средств воздействия. Разумеется, указанные различия являются качественными, но они касаются только способа освоения ресурсов природной среды и способа регулирования отношений по поводу их потребления; сам же закон отношения к среде и к себе подобным одинаков для всех живых существ, независимо от того, являются они разумными или нет. Определение этого закона и реконструкция механизма его действия могут рассматриваться в качестве ключа к объяснению возникновения социальности, поскольку здесь находится та клеточка в отношениях самой природы, из которой образуются и развиваются дальше социальные отношения.

Человек преодолел границы естественно-природного равновесия, получив на основе использования техники дополнительные средства жизни сверх данного самой природой и увеличив свою численность в той же

самой среде обитания. Его жизнедеятельность осуществляется в рамках производственно-природного равновесия, переходящего с одного уровня на другой по мере расширения сферы материального единства общества и природы. Тем не менее, в качестве потребляющей системы в границах одного и того же типа материально-технического развития общество принципиально не отличается от любой другой органической системы в том плане, что извлекает из окружающей природной среды вполне определенные ресурсы, конкретные вещества и в силу их исчерпаемости всегда ограничено в своем росте. На каждой очередной ступени производственно-природного равновесия, соответствующей историческому типу материально-технического развития, имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства.

Следовательно, однажды вырвавшись за пределы естественно-природного равновесия, общество обрекло себя на вечную смену технологических ступеней, не будучи в состоянии окончательно закрепиться на какой-либо из них, поскольку безвозвратно исчерпывает невозобновляемые ресурсы и превышает уровень восстановления возобновляемых ресурсов. На каждом этапе материально-технического развития оно необходимо достигает предельного уровня производства и, чтобы не погибнуть, вынуждено переключаться на использование качественно новой ресурсной базы. В целом материально-техническое развитие общества предстает перед нами как поступательный необратимый процесс, при этом каждый новый производственно-технологический переход осуществляется ценой все более возрастающих дополнительных затрат.

Однако общественная практика поставила вопрос о наличии абсолютных границ, связываемых в общественном сознании с достижением планетарного рубежа материально-технической деятельности. Хотя, с одной стороны, для его преодоления в том или ином виде нет каких-либо принципиальных препятствий, делающих это преодоление невозможным, и для перехода на очередной уровень производственно-природного равновесия нужно только одно — дополнительные ресурсы. Но, с другой стороны, объем этих ресурсов так велик, что дальнейшее существование общества становится все более неопределенным. Если до сих пор линия его развития целиком вписывалась в линию развития биосферы в ее прошлом и настоящем существовании и, благодаря этой предметной преемственности, была устойчивой, то теперь предметная преемственность развития общества сузилась до пока еще не ставшего существенно значимым перечня форм неорганической материи, с использованием которых можно

было бы достаточно определенно связывать его дальнейшее существование вне зависимости от ограничений условиями Земли.

Выход из критической ситуации часто связывается со становлением так называемого *информационного общества*. Достижения информатики стали символом перехода к новому способу жизни. Во-первых, предполагается, что на смену материальному производству придет производство информации и услуг, и человек, наконец, освободится от труда в его традиционном понимании. Во-вторых, речь идет о достижении возможности просчитывать общественную жизнь и полностью взять её под свой контроль, *управлять* ею (как и любой другой системой) во имя всеобщего блага. Последнее издавна возлагают на кибернетику, — достаточно вспомнить социальные схемы Ампера. Эти два пункта являются принципиальными и требуют особого рассмотрения в контексте *рождения новой социальной мифологии*.

Достижение общепланетарного рубежа во взаимодействии общества и природы положило конец абсолютистскому подходу в оценке общественного прогресса, основанному на убеждении в возможности обеспечения человечеством такого гармоничного состояния, когда будет покончено с голодом, неравенством, войнами и различными человеческими пороками, когда появятся неограниченные возможности совершенствования людей и т. п. Такое убеждение базировалось на признании неограниченности материально-технического развития, уходящего в неопределенное будущее. И вот человечество достигло предела в возможности того непрерывающегося роста, к которому оно привыкло, и с которым связывались прогрессивистские идеи, а все перечисленные и им подобные проблемы не только не исчезли, но даже обострились.

Модель предотвращения всеобщей экологической катастрофы обычно строится на введении двух главных ограничений: сокращение численности населения Земли (по некоторым расчетам — до 1 миллиарда) и прекращение роста материального потребления, переход к преимущественно духовному развитию человека, что в совокупности обеспечит решение проблем неравенства, эксплуатации, насилия и т. п. Данная модель представляет собой типичный образец технологической и социальной утопии, потому что не учитывает действие главного закона материально-технического развития, который выражает не соотнесенность абсолютных показателей материального производства и ресурсного потенциала природной среды, когда теоретически оказываются равновероятными модели предельного и беспредельного роста производства и потребления, а соотнесенность ресурсов, затрачиваемых на осуществление производства, и ресурсов, получаемых в его результате, что означает, при переводе на один и тот же эквивалент, соотношение расходов и воспроизводимых ресурсов жизни.

В зависимости от оценки данного соотношения мы получаем ту или иную формулу производства, в соответствии с которой строится вся модель общества: определяемый уровнем знания тип материально-технического развития, обусловленная им система социальных отношений и отражающая ее сфера духовной культуры. Данная формула производства, выражая его главное материальное отношение и будучи своеобразным ядром социальной кристаллизации, по сути своей является предельно свернутой техносоциальной формулой общества в целом.

Природа сама по себе является источником ресурсов жизни только в пределах естественно-природного равновесия, когда их получение не требует труда как особой предметно-орудийной деятельности. Поэтому техносоциальная формула общества, как определенное соотношение затрачиваемых и получаемых в процессе производства ресурсов, подразумевает именно ресурсы человеческой жизни (заложенную в них массу человеческой жизни), а не просто некие вещества природы. Иначе говоря, эффективность производства определяется соотношением затрачиваемой и воспроизводимой масс труда, жизни вообще в качестве единого эквивалента, а не затрачиваемого и воспроизводимого количеств вещества и энергии.

Однако при рассмотрении функционирования и развития общества в качестве органической системы вопрос об оценке его эффективности (соотношение затрачиваемых и создаваемых ресурсов жизни) является не только главным, но одновременно и самым трудным. С точки зрения отношения общества к окружающей природной среде это абсурдный вопрос, ибо общество не выполняет никакой внешней функции, не совершает никакой полезной работы и потому не может характеризоваться, подобно машине, коэффициентом полезного действия. Как и любая другая живая система, оно существует за счет дезорганизации внешней среды, потребляет созданные самой природой ресурсы. Понятие эффективности общественной системы означает соотношение затрачиваемых ею усилий на поддержание собственного существования, необходимо совершаемой работы и получаемых результатов, объема возможного существования. Иными словами, речь идет о соотношении затрачиваемой массы живого труда и получаемой в его результате массы воспроизводимой жизни, потенциала нового цикла труда, его источника.

В соответствии с общепринятой в настоящее время точкой зрения в рамках абсолютистского понимания общественного прогресса предполагается, что производимые обществом ресурсы жизни превышают массу затрачиваемых ресурсов необходимой деятельности (формула имеет вид неравенства), за счет чего в обществе наблюдается исторический рост трех главных показателей его прогрессивного развития: численность народонаселения, уровень производства и потребления, количество свободного времени.

В таком опережении усматривается всеобщий закон материального производства. Источник роста очевиден — это расширяющееся использование готовых, «бесплатных» сил и веществ природы. В пределах данной абсолютистско-прогрессивистской концепции развития общества, ставящей во главу угла неограниченные возможности человеческого разума в деле познания и преобразования окружающей природы, изначально признается только один безответный вопрос — о естественных абсолютных границах человеческого существования, будь то на уровне фундаментальных закономерностей мироздания или в масштабах экологической предельности жизни на Земле.

Однако эта концепция первоначально имела и до сих пор имеет главным образом мировоззренческо-идеологический характер и по степени научной обоснованности не выходит за пределы понимания природного и социального бытия в эпоху Просвещения. Построить на ее основе удовлетворяющую современным критериям научности целостную теоретическую модель общества, демонстрирующую главные законы его функционирования и развития, не представляется возможным.

Абсолютистско-прогрессивистская модель общества не указывает фундаментальных законов его функционирования и развития. Да, общественное производство с непреодолимой силой непрерывно растет, но при этом никогда не достигает уровня, обеспечивающего всеобщее простое выживание. Следовательно, рост потребностей как движущей силы роста производства есть выражение всего лишь непреодолимого дефицита средств жизни, а не спонтанного развития человека, которому «все мало»; и так называемый закон возвышения потребностей, не позволяющий обществу остановиться на каком-либо одном типе материально-технического развития или одном уровне производства, является объективным общественно-производственным законом роста, а не субъективно-психологическим законом отсутствия меры потребления.

Как уже говорилось, в условиях достижения обществом планетарного рубежа материально-технического развития в недрах политики и идеологии вполне логично рождается призыв к сознательной стагнации материального производства, сокращению численности народонаселения и переключению общественного прогресса на сугубо духовные показатели, якобы единственно не имеющие объективных ограничений. Проще говоря, предлагается формулу производства преобразовать из неравенства в уравнение, а материальные ценности заменить духовными. В рамках релятивистского подхода формула, наоборот, имеет вид неравенства с противоположным знаком по сравнению с вышеописанной формулой абсолютного прогресса и выглядит следующим образом:

Затраты труда	>	Созданные трудом средства жизни
Народонаселение, определяемое производством	>	Народонаселение, определяемое произведенными средствами жизни
Разрушаемая природная среда	>	Восстанавливаемая природная среда
В целом:		
Ресурсоемкость системы необходимой деятельности ТРУД	>	Ресурсоемкость комплекса возможной жизни РЕЗУЛЬТАТ

Следовательно, совокупная масса ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнительном варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, «преодолеть» данную техносociальную формулу. То есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке необходимых и производимых ресурсов жизни, где первый член неравенства выражает суммарную массу необходимого потребления, то есть массу ресурсов жизни для поддержания совокупного населения, осуществляющего производство, а второй член, выразимый, например, в суммарной покупательной способности, означает массу доступных для этого населения ресурсов. Иначе говоря, с одной стороны имеется реально живущее и производящее население, а с другой — масса производимых им ресурсов жизни, недостаточная для выживания всего этого населения.

Переход от естественно-природного равновесия к производственно-природному и последующее никогда не прекращающееся движение по его историческим ступеням возможны только на основе создания и постоянного обновления техники. Научно-техническое творчество оказывается единственным способом превращения природы в ресурс человеческой жизни, наука по сути создает природное богатство, и человечество оказывается обреченным на безостановочную поступательность научно-технического прогресса. Он является всеобщим источником роста общественного производства, воплощая в себе неограниченность интеллекта

и неисчерпаемость природы, за счет чего оказывается возможным результативный труд. Постоянно действующей движущей силой производства является стремление к выживанию в условиях действия техносоциальной формулы. Соответственно, вопрос о пределах роста имеет сугубо экологические основания.

Живой труд овеществляется и накапливается в технике, увеличивающей производительность последующего живого труда. За счет этого нарастает общая масса производимого продукта. По классической абсолютистско-прогрессивистской схеме общественного производства доля участвующего в нем живого труда уменьшается по сравнению с массой овеществленного труда, что ведет к росту общественного богатства не только по общей массе, но и в среднем на душу населения, занятого непосредственно или опосредованно в процессе производства. Однако, несмотря на этот рост, материальное производство принципиально не достигает уровня, обеспечивающего всеобщее выживание данного населения, необходимая масса которого увеличивается с опережением.

Физический смысл техносоциальной формулы общества состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, то есть нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе: масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания, т. е. полного проживания жизни всеми членами совокупного населения.

Общий баланс эффективности машинной техники до недавнего времени был положительным, но в том и заключается техническое содержание так называемого экологического кризиса, что затрачиваемые ресурсы на переход к новому типу материально-технического развития все меньше компенсируются получением дополнительных ресурсов, — то есть авансируемый труд все меньше «оплачивается». Техника постоянно стремится к достижению предельного уровня производственно-природного равновесия, на котором она исчерпывает свою всеобщую функцию быть средством выживания человека. Вопрос о реальном достижении такого предела является предметом острых дискуссий в самых разных областях и получает альтернативные решения в виде технологического оптимизма и пессимизма, провозглашаемых различными технократическими концепциями, развиваемыми на общей методологической основе технологического детерминизма в рамках абсолютистской социально-теоретической модели общества.

Всеобщее обесценивание прошлого труда особенно наглядно проявляется в периоды социально-производственной реконструкции, напри-

мер, в процессе коренного реформирования всей общественной жизни на постсоветском пространстве, где при переходе к рыночному регулированию и экономической открытости резко выросли цены и упала зарплата. В случае дальнейшего технологического отставания этот провал будет только углубляться, а преодоление разрыва требует дополнительных материальных средств. Вопрос об их источнике является главной проблемой для большинства бывших советских республик.

Техника периода первобытной дикости, представленная примитивными ручными орудиями, была, по образному выражению К. Маркса, данным самой природой органом деятельности человека, который он присоединял к органам своего тела, удлинняя их естественные размеры. Она позволяла человеку расширить экологическую нишу своего существования, но не могла обеспечить выхода за пределы ограничений естественно-природного равновесия. Здесь качественное отличие человека от животного в том, что люди с помощью техники добывали ресурсы не только непосредственно из природы, но и захватывая ресурсы, добытые другими людьми, включая и их самих. Распространение человека в природе происходило не только как расширение вида путем вытеснения других видов, но и как результат внутривидовой борьбы, которая стала главным фактором отбора и развития.

Все отличие человеческого существования от животного в конечном счете сводится к выживанию за пределами естественно-природного равновесия, благодаря способности человека находить дополнительные ресурсы в окружающей природной среде. Но главным таким ресурсом, изначально-обязательным и исторически-всеобщим, явился человеческий труд, но не самого человека, а другого человека, т. е. чужой человеческий труд, созданная самой природой готовая рабочая сила. И только при наличии такой (чужой) рабочей силы оказалось возможным использовать другие предметы и процессы природы. Образно говоря, для того чтобы «поймать» силы природы и заставить их «работать», человек должен был сначала поймать другого человека и заставить его трудиться. Первоначальным источником авансированного труда является готовая рабочая сила захваченных рабов. А потом она пропорционально возрастала, как проценты на банковский вклад.

Наступление эпохи цивилизации ознаменовалось созданием техники, позволившей человеку перейти к универсальному использованию окружающей среды в качестве источника ресурсов своего существования и тем самым преодолеть ограничения естественно-природного равновесия. Но если эффективность труда изначально имеет отрицательное значение, когда расход рабочей силы изначально выше полученного результата, то для осуществления процесса производства недостаточно покорс-

ния сил природы, необходимо еще покорение сил другого человека, превращение его всего лишь в говорящее орудие. Качественное отличие техники цивилизованного общества от первобытной техники состоит в том, что она позволяет человеку превратить другого человека в средство своей целесообразной деятельности, использовать его как данную самой природой рабочую силу. Соответственно вся техническая история цивилизации характеризуется двойственным отношением человека к технике, проявляющемся в общественном разделении людей, когда для одних техника является средством жизни и собственного развития, а другие служат ее живым придатком, развивающимся в границах выполнения предписанной им техносервисной функции.

Таким образом, бытие техники в качестве второй природы есть всего лишь субстратное выражение ее сущности. Главное в технике — ее функциональность: техника не только средство материально-предметной деятельности, она есть средство превращения одного человека в средство другого человека. Без этого технический способ жизни просто неосуществим. Следовательно, призыв жить в согласии с природой означает призыв вернуться в природу, отказаться от человеческого способа жизни, смысл которого состоит не в применении ножа и вилки, а в выживании в природной среде за пределами ее ресурсов на основе фундаментального социального отношения «цель — средство».

Как естественная органическая жизнь не выходит за рамки существования природы и является одной из форм природного бытия, так и человек представляет собой специфический способ существования живого, главные особенности которого состоят, во-первых, в предметно-орудийной деятельности, т. е. в производстве на основе техники, во-вторых, в особой организации совместной жизни на базе фундаментального социального отношения «цель — средство». Впрочем, использование техники само по себе не создает человеческого способа жизни, а является лишь его необходимой предпосылкой. Поэтому не имеют достаточных оснований популярные рассуждения о разумности некоторых животных и об их способности к целенаправленному созданию и систематическому использованию орудий труда, именно технических средств, а не просто случайно попавших в поле внимания предметов. Создание и использование техники оказывается возможным лишь при условии превращения одного человека в средство существования другого человека, только за счет этого компенсируется отставание получаемой в процессе производства массы ресурсов жизни от массы ресурсов, затрачиваемых на производство. И наоборот, превратить одного человека в средство существования другого человека можно только с помощью техники. В этом синтезе человека и техники в виде говорящего орудия их взаимодополняемость

симметрична — здесь можно равнозначно говорить о присоединении человека к орудию или орудия к человеку.

Интеллектуальная и материально-предметная деятельность по созданию орудий труда качественно отличает людей от животных не сама по себе, а в контексте включенности человека в систему производственного функционирования орудия в качестве простого средства. Именно орудийное функционирование одного человека в руках другого человека явилось конечным результатом материально-деятельностной эволюции, высшим выражением технического первобытного гения. Как жизнь животного сводится к поиску пищи, так и жизнь человека сводится к производству средств существования. Однако человек, в отличие от животного, осуществил внутривидовое раздвоение на цель и средство и основал на этом раздвоении *систему общества*.

Главное социальное отношение господства и подчинения, бытие людей в отношениях друг с другом в качестве цели и средства составляет столь же необходимое условие осуществления материального производства, как и техника, — это две равноправные и неразрывно связанные стороны процесса производства. Данное общественное отношение «цели и средства» само по себе, как таковое, не зависит от уровня материально-технического развития и всегда остается базовым элементом любой социальной системы. В ходе технического прогресса меняются лишь его исторические формы, и именно в этих пределах детерминации можно говорить об определяемости производственных отношений характером и уровнем развития производительных сил. Что касается *социальных революций*, то они сводятся к перераспределению мест в системе социальной дифференциации, не будучи в состоянии упразднить ее в принципе.

В природе внутривидовая борьба за существование ограничивается устранением конкурентов путем их вытеснения с территории или, в крайнем случае, уничтожения. Для человеческого способа существования этого недостаточно, — борьба за выживание между людьми предполагает *превращение жизни одних в средство жизни других*. Вместе с тем, эта борьба ведется не на атомарном (индивидуальном) уровне и не является буквально войной всех против всех, борьба индивидов за существование опосредована соответствующей борьбой между общностями (социальными группами).

Понятие борьбы за выживание имеет давнюю историю и является широко употребительным. Однако объяснение самому феномену борьбы дается либо натуралистическое (ограниченность ресурсов природной среды), либо психологическое (врожденная агрессивность и эгоистичность человека), но в обоих случаях сугубо феноменологическое, поверхностное. Разработка социально-научной модели общества, теоретически объяс-

няющей борьбу за выживание как фундаментальное социальное отношение, находится на начальной стадии.

Борьба за выживание неотвратимо втягивает всех и каждого, избежать ее, уклониться от нее не может никто. Каждый человек в той или иной форме делает (осознанно или неосознанно) свой выбор в безраздельной принадлежности к «мы» и, следовательно, ставит себя в бескомпромиссное противостояние по отношению к «они». Либо мы их, либо они нас, — третьего не дано. Люди с сильной верой и сильной волей (волей духа, прежде всего, ибо ее физиологическое выражение — только сопутствующий материал) легко и свободно делают свой выбор. Люди слабые либо не могут сделать окончательного, разового выбора, поскольку не обладают устойчивой верой, либо по слабости духа (воли) всегда подчиняются, меняются, предают, а потому они всегда страдают. Осознание действия техносциальной формулы выводит борьбу за существование за рамки ценностных суждений, она не может быть *справедливой или несправедливой*, гуманной или антигуманной, — борьба за выживание характеризуется только *степенью результативности*. Но в доведенном до логического конца виде, в абстракции, осознание формулы предстает как полная рационализация, очищение от каких бы то ни было мифов абсолютной свободы воли к жизни. Реализация такой абстракции неизбежно привела бы к социальной катастрофе.

Принадлежность к «мы», оправдание любого воздействия на «они» может быть выражена не только активно, но и в виде молчаливого согласия, одобрения, а также равнодушия. Но никто и никогда не сможет избежать выбора между «мы» и «они», потому что никто и никогда не сможет выжить вне общества. От выбора не уйти, потому что объективную реальность не обмануть.

Социализация человека означает его включенность в систему общественных отношений, стержень которых составляет фундаментальное социальное отношение «цель — средство». Соответственно, образование — это формирование свойств, необходимых для данного включения, и, следовательно, образование есть условие социализации человека, но не сама социализация.

Никогда не прекращающаяся борьба за выживание, порождаемая и воспроизводимая всеобщим непреодолимым дефицитом ресурсов жизни, насквозь пронизывает общество в виде перепадов уровней жизни от богатства до нищеты и в совокупности образует постоянную напряженность общества, определенное *социальное давление*. Это понятие методологически работает как в аспекте существования индивида, подверженного давлению со стороны социальной среды, аналогичному давлению какой-либо материально-предметной среды (например, воды, газа, маг-

нитного поля), но с тем отличием, что от социальной среды невозможно изолироваться (гарантированно защитить карман, квартиру, зарплату, информацию, жизнь, свободу, честь и т. д.), т. е. от социального давления нигде нельзя укрыться; так и в аспекте существования общности, уровень социального давления в которой характеризует ее состояние, степень устойчивости (социальное здоровье). Повышенное социальное давление говорит о состоянии общественного кризиса.

Учитывая, что социальное давление субъектно по источнику и адресной направленности, — одни люди оказывают давление на других людей, а не просто люди давят друг на друга, — *социальное давление* может быть обозначено как *насилие*, имеющее сквозной, всеобщий характер. Данное понятие обычно рассматривается в рамках ценностного сознания и имеет негативное значение. Соответственно, из тезиса о всепроникающем характере социального давления следует тезис о неотвратимости насилия, драматизирующей человеческую жизнь, которая характеризуется непрекращающимся состоянием напряженного ожидания насилия и готовности к определенному действию. У одних людей это выражается в страхе и желании спрятаться, у других, напротив, в агрессивности и стремлении опередить в насилии. Возможно, здесь заложены исходные психологические различия социального поведения, естественный природный материал формирования социальной структуры общества.

Рост общественного богатства оказывается изначально возможным за счет того, что рабочая сила является таким же готовым продуктом, как и сила природы. Человек производящий — это всего лишь материальный носитель, субстрат рабочей силы, объект организационно-производственной деятельности, вынесенный за скобки человеческого бытия, находящийся вне сферы собственно человеческого существования. Исторические формы рабочей силы развиваются от простейшей организации подневольного рабского труда в древности до информационно-технологического колониализма в современном глобальном мире, когда за счет резкого перепада уровней материально-технического развития производственное функционирование одних общностей подчинено существованию других общностей.

С одной стороны, масса человечества растет, казалось бы, вопреки законам живой природы. С другой стороны, этот рост вполне вписывается в рамки естественной закономерности, имея своим источником расширение сферы использования природных ресурсов, включая рост численности народонаселения как увеличение массы рабочей силы. Однако наращивание объема ресурсов становится все труднее и дороже, в том числе увеличивается и трудоемкость воспроизводства рабочей силы. Абсолютное снижение эффективности общественного производства компенси-

руется достижениями научно-технического прогресса. Данное постоянно разрешаемое противоречие материально-технического развития сопровождается обостряющимся социальным противоречием, обусловленным интеллектуализацией технологической функции рабочей силы при сохранении ее социального функционирования в качестве средства.

Итак, социальное отношение «цель — средство» превращает просто живое существо в человека и определяет все коллизии человеческого существования с точки зрения его социального бытия. Это отношение обуславливает принципиальную незавершенность человеческой истории и ненасыщаемость сферы материально-предметного бытия человека. Не имеющий логического предела самовозбуждающийся процесс материально-технического развития происходит как гонка, борьба за выживание и одновременно как всеобщее стремление к преодолению техносоциальной формулы общества, подобное вечному стремлению к реализации принципа вечного двигателя.

Социальная дифференциация есть отношение различия, устанавливаемое и поддерживаемое активно. Это отношение зависимости, а не просто различия не зависящих друг от друга людей. В конечном счете социальная дифференциация выражается в дискриминации, как узаконенном неравенстве, по самым разным признакам — расовым, национальным, религиозным, имущественным и пр. Бедными и богатыми не рождаются изначально, подобно брюнетам и блондинам, ими становятся в процессе борьбы за выживание, происходящей без объективно заданных правил и беспристрастного судейского надзора. В собирательном виде *социальная дифференциация — это разное право на жизнь вообще.*

Таким образом, жизнь за пределами естественно-природного равновесия является сущностным признаком человека как особого существа в природе. Освещается ли он электричеством или живет при свечах, пользуется ли самолетом или перемещается на телеге, воюет ли он с помощью огнестрельного оружия или «вручную», удерживает ли работника с помощью железного ошейника или «привязывает» его к рабочему месту зарплатой, — все это само по себе не является показателем собственно человеческого бытия человека, критерием общественного прогресса. Устойчивость, запас прочности выживания, — вот главный показатель для человечества в целом, здесь не может быть никаких ценностных суждений, поскольку по техносоциальной формуле *благополучная, ровная жизнь возможна только на основе дезорганизации другой жизни.*

Закон техносоциальной формулы обуславливает насильственный характер производства, потому что добровольно никто не будет затрачивать энергию (ресурсы жизни) больше, чем будет получено в результате. Абсурдно затевать изначально нерентабельное производство. Однако в ре-

альной действительности производство организуется и приносит прибыль. При этом никто не собирается обманывать природу, и новое производство затевается лишь тогда, когда, во-первых, уже имеется отдача от авансированного ранее труда и когда, во-вторых, есть возможность опередить других и успеть воспользоваться природной рентой. Кроме того, в общественном производстве всегда есть неэффективные отрасли, существующие как в силу технологической необходимости и экологической целесообразности, так и из соображений гуманизма и социальной поддержки, за счет эффективных отраслей. Следовательно, производство, взятое в целом, т. е. в единстве всех его отраслей, и рассматриваемое в общеисторическом плане, является неэффективным и постоянно дотируется за счет нарастающей массы не компенсируемого, отчужденного труда.

В самом общем виде производственное действие включает в себя определение производимого продукта, приобретение оборудования, технологий, сырья, рабочей силы, организацию производственного процесса, сбыт и многое другое. Система экономики, национальной или мировой, складывается из множества субъективных производственных действий и не поддается прямому расчету, регулируется рынком, т. е. функционирует и развивается стихийно, на основе баланса спроса и предложения. Однако главная причина невозможности прямой, непосредственной регулируемости экономики состоит не в ее чрезвычайно сложной многомерности, а в действии техносоциальной формулы, которое обуславливает включенность в экономическое действие не только элементов собственно предметного расчета, но также элементов игры и борьбы. Это означает, что для получения положительного результата экономического действия наряду с его предметным расчетом необходимо еще преодолеть определенное субъективное и объективное противодействие со стороны поставщиков, кредиторов, конкурентов, потребителей и т. д., т. е. нужно еще переиграть субъектов противодействия, а при необходимости победить их силой. *Обычно экономический расчет и игру обеспечивают сами экономисты, а борьбу осуществляют уже политики.* Не случайно политика определяется как концентрированное выражение экономики.

Рост общественного богатства происходит по схеме построения печально известной финансовой пирамиды, поддерживаемой увеличивающимся притоком новых вкладчиков, то есть за счет расширения такого же притока дополнительной рабочей силы на основе расширенного воспроизводства народонаселения. Однако, в отличие от абсолютной предельности размера пирамиды в соответствии с числом потенциальных вкладчиков, рост общественного богатства не имеет какого-либо достоверно установленного предела в силу отсутствия достоверно установленных пределов ресурсного потенциала природы.

Техносоциальная концепция общества, как его познавательная модель, позволяет подвести под социальную теорию естественнонаучные основания. Она выражает всеобщий принцип существования общества в природе и в технологическом плане представляет собой неравенство затрачиваемых и получаемых в производстве ресурсов жизни, состоящее в непреодолимом отставании массы производимых ресурсов от массы затрачиваемых. Соответственно, в социальном плане данная формула предполагает установление отношения «цель — средство» как фундаментального общественного отношения, обеспечивающего возможность поддержания общественного производства при изначально отрицательном значении его эффективности. Следовательно, основным средством осуществления процесса производства является насилие одних людей над другими, исторически меняющее свою форму вслед за изменением формы технологического способа жизни (типа материально-технического развития). В свою очередь, отношение «цель — средство», как базовое социальное отношение, определяет всю систему человеческой духовности, насквозь пронизывая ее переживанием этого отношения, оставляющего главное содержание человеческого способа жизни.

Действие техносоциальной формулы определяет все особенности строения общества — собственность, семья, государство, культура (вера, любовь, мораль). Ее понимание позволяет развить дальше исторический материализм и соединить объективность и субъективность в рассмотрении социальной деятельности, в первую очередь, показать объективный закон материального производства, за пределы которого человек не может выйти ни при каких обстоятельствах, в результате чего труд никогда не перейдет от статуса внешней необходимости к статусу свободно развиваемой потребности.

С введением в социально-научный оборот модели техносоциальной формулы появляется возможность теоретического, а не эмпирического анализа общественной жизни. В частности, становится возможным находить и обозначать те теоретически предельные показатели, принципиальные ограничения в области материально-предметной и социальной деятельности, аналогично теоретическим пределам и ограничениям в технике. Однако техносоциальная формула общества, как абстрактная теоретическая модель, не может служить человеку непосредственным руководством к действию в конкретной социальной практике. Она представляет собой всего лишь один из ее фундаментальных законов (принципов), устанавливающих объективные пределы человеческой жизнедеятельности.

История управления обществом демонстрирует неуклонное движение от субъективистского произвола к признанию объективной обусловленности социального бытия и ограничению социального действия рамка-

ми объективно-возможного. Высшим уровнем признания этой объективности является осознание техносциальной формулы общества. Оно не ведет к всеобщему отказу от условностей общественной нормативности и открытому провозглашению войны всех против всех. В сфере социального управления осознание формулы выражается в овладении методологией построения целостных моделей общества, на уровне индивидуально-массовой жизни оно сводится к установлению рационально-эгоистической расчетливости в ее организации. Но в доведенном до логического конца виде, в абстракции, осознание формулы предстает как полная рационализация, очищение от каких бы то ни было мифов абсолютной свободы воли к жизни. Реализация такой абстракции неизбежно привела бы к социальной катастрофе.

Техносциальная формула заключает в себе всеобщее общественное противоречие (или является его основанием), которое состоит в том, что самоутверждение человека, как человека, выражающееся в превращении природы в средство своего существования, одновременно содержит в себе и его самоуничтожение, относительно выражающееся в превращении одних людей в средство существования других, и абсолютно — в тенденции к полному самоуничтожению по логике необратимого разрушения природы и беспредельного нарастания разрушительной мощи оружия. К этому противоречию в конечном счете сводится все многообразие общественных противоречий в той мере, в какой техносциальная формула обуславливает человеческий способ жизни вообще.

3. Крайности либерализма и централизма.

Функционирование и развитие материально-технической системы, в отличие от функционирования и развития живых природных систем, является саморазвитием лишь опосредованно, поскольку его движущая сила и источник находятся вне самой материально-технической системы, — в человеке. Системность сама по себе не является фактором материально-технического развития в той мере, в какой не придает ему какой-либо определенной направленности, без которой говорить о материально-техническом развитии вообще не имеет смысла. Системность выступает в качестве фактора материально-технического развития только в связи с конкретной формой социальной организации материально-технического развития, социального регулирования его целостности. Проблемы материально-технической целостности по своей сути являются социальными с той или иной степенью опосредованности. Факторы естественно-природного характера сами по себе обуславливают возникновение лишь технических задач, которые становятся проблемами только во всей полноте действия социальных факторов их решения.

При рассмотрении вопроса о закономерностях целостности общественного развития, особенно в аспекте проблем выработки управленческих решений, следует четко различать моменты абсолютности и относительности самой целостности. В условиях заданной системы отношений расчет целостности зависит лишь от количества и достоверности исходной информации и качества ее обработки. При достаточности всего этого целостность рассчитывается во всех ее возможных состояниях, но, что важно отметить, лишь в границах установленной системы отношений. То есть когда речь идет о целостности, включенной в более широкий круг связей, локализованной в более широкой системе. Важно не забывать, что в обществе функционирование и развитие предметной целостности определяется взаимодействием не только вещей, но и людей, причем человеческий фактор в равной мере оказывается детерминирующим. Поэтому принятие управленческих решений должно основываться на информационной модели субстратно-объективного содержания целостности и на прогнозе действий «субъектов-смежников» (деловых партнеров, соперников, противников, оппонентов, поставщиков, конкурентов и т. п.).

Всеобщая целостность, например, единое народное хозяйство, может рассматриваться как абсолютная, потому что не является промежуточной и в своем бытии не определяется непосредственно объективной предметной заданностью, ее приводят в движение человеческие потребности, выраженные в общественных отношениях в виде социальных интересов. Именно интерес определяет целевую направленность целостности и задает систему координат ее функционирования и развития. Вне социального интереса существование глобальной целостности не имеет оснований, поэтому для *управления* ею недостаточно информационной мощности компьютера, бессубъектного искусственного интеллекта, сколь бы она ни была велика, или даже персонифицированного божественного разума при абстрактном допущении последнего. Организационно-технологический расчет материально-технической системы сам по себе не является *собственно управлением*, — последнее состоит, прежде всего, в социальном регулировании материально-технического развития, придании определенного характера материально-технической целостности. *Управление обществом в конечном счете сводится к управлению системой социальной дифференциации*: именно она задает структуру целевого потребительского комплекса, а через него и всей материально-технической системы, выступая тем самым в качестве движущей силы материально-технического развития.

В соответствии с техносочальной формулой, которая обуславливает наличие в обществе социальной дифференциации и насилия в организации производства как внутри общности, так и в ее взаимодействии с другими общностями, возможны два основных типа организации об-

щности, теоретически представляемые *централизмом и либерализмом*. В зависимости от положения общности в мире (изоляция, господство — лидерство, подчиненность — отсталость) складывается баланс соотношения централизма и либерализма.

Поскольку вся совокупность проблем обеспечения материально-технической целостности имеет ярко выраженный социальный характер, постольку их решение всегда связано с совершенствованием общественных отношений. В частности, с целью такого совершенствования осуществлялась и социалистическая революция, оно было сквозной задачей всей семидесятилетней истории реального социализма, начиная со зловещего тезиса об усилении классовой борьбы и кончая «лебединой песней» теории социализма — так и не сформулированной концепцией перестройки.

Непосредственной причиной крушения системы социализма в России явилось то, что перестала работать сквозная схема централизованной социальной структуры, сложившаяся в определенных исторических условиях. Изначально в ее основу была заложена простая идея: при переходе от частной собственности к общественной устанавливается *всеобщее централизованное управление общественной жизнью*, задачей которого является точный расчет всех параметров общественно-экономической системы и принятие необходимых решений. При обеспечении их достаточной компетентности и соответствующей точности выполнения всеми элементами (отдельными индивидами и группами) своих общественных функций будут достигнуты высокий уровень экономического развития и адекватная социализму социальная справедливость.

Однако в условиях поддержания общественной целостности преимущественно с помощью директивных методов управления, постепенно стали все более проявляться две отрицательные тенденции: 1) администрирование переросло в устойчивый бюрократизм, носитель которого стал формироваться как определенный социальный слой; 2) деятельность исполнительных элементов получала все более формальный характер и все более подменялась показным выполнением распоряжений. Как это ни парадоксально звучит, но *чем больше бюрократического централизма, тем меньше порядка*. В конечном счете созидательная деятельность на всех уровнях перерастает в простое функционирование, социальная активность неуклонно снижается, а сущность человеческого фактора все более дегуманизируется и находит свое выражение в так называемых негативных явлениях.

Основу исторической нежизнеспособности социализма составил выход из-под контроля целостности общества, его фундаментальной характеристики, хотя, как всегда считалось, именно эта характеристика составляет основное преимущество социализма. Централизованное управление

в течение всего периода своего существования очень легко справлялось с неугодными местными инициативами, но не знало врага страшнее ведомственности, которая так и не была побеждена и благополучно пережила централизм. Иначе и быть не могло, потому что ведомственность в условиях господства государственной собственности есть адекватная ей форма социальной дифференциации, и пытаться ее устранить — то же самое, что придать прямоугольную форму жидкости, налитой в круглый сосуд. Вместе с тем, ведомственность — лишь обратная сторона медали, а лицевая сторона представлена бюрократизмом как прямым выражением централизма, т. е. главной формой социальной дифференциации, для которой ведомственность — по сути «конкурирующая фирма».

Критика централизма ведется давно, она началась еще задолго до возникновения реального социализма. Но она велась и до сих пор ведется преимущественно в социально-психологической плоскости: нет свободы действия, отсутствуют основания для инициативы, неизбежны злоупотребления властью и т. д. Но все это, тем не менее, декларативно, поверхностно и, в принципе, применимо для критики либерализма — антипода централизма: те же злоупотребления властью, манипулирование общественным сознанием, формальный характер демократии, бюрократизм и пр. Значит, надо вести поиск в материальных основаниях жизни, который позволил бы объективно сопоставить централизм и либерализм как формы устройства общества. Но именно такой подход пока что еще не проявил себя хоть сколько-нибудь заметно, рассуждения ведутся, как правило, от противного, когда опровержение одного выдается за утверждение другого.

Разница между централизмом и либерализмом в идеологической плоскости рассмотрения в конечном счете видится как разница в уровне благосостояния народа, тогда как в социально-теоретическом плане — это разница в формах социальной дифференциации, которую сторонники либерализма всячески приглаживают, но видят в ней двигатель прогресса, а сторонники централизма считают тормозом общественного развития и провозглашают ее устранение конечной целью социалистической революции, достигаемой за счет непрерывного повышения производительности труда. Планирование, как расчет, является обязательным элементом материально-технической деятельности и в этом смысле его нельзя считать изобретением и преимуществом централизма. Однако рамки планирования ограничены мерой предметной сопряженности, объемом элементной полноты системности, т. е. планирование осуществимо только в том случае, если есть возможность точно определить, соотнести друг с другом цели и средства деятельности, все ее объективные составляющие, когда результат деятельности зависит лишь от точного выполнения программы субъектами деятельности.

Приоритет централизма заключается в расширении планирования до масштабов управления всем обществом, но перевешивающий положительный результат здесь получить невозможно. На «выполнение» планов фашистской Германии работала вся Европа, а пятилетки в Советском Союзе истощали собственную страну. Более того, при тотальном планировании оказывается невозможным реальное планирование и в целостных системах, поскольку их включают в общую систему «незавершенки» и не позволяют добиться необходимой элементной полноты. В условиях господства директивно-административных методов управления экономикой расчет целостности предприятия принципиально не мог выйти за рамки его текущего функционирования, поскольку для расчета развивающейся целостности изнутри у предприятия не было хозяйственной и тем более социальной самостоятельности.

Централизм и либерализм можно наглядно представить как два разных способа установления определенного уровня в множестве сообщающихся сосудов. Централистский способ не признает закона сообщающихся сосудов и требует устанавливать уровень в каждом сосуде по отдельности; либерализм, напротив, полагается только на автоматическое действие закона и не учитывает, что жидкость где-то может переливаться через край, а где-то не достигнет необходимого уровня, поскольку сосуды стоят на разной высоте.

Сущность централизма в том, что существование общества (общности) выше существования индивидов. Целое, в данном случае социальное, больше суммы составляющих его частей, — вот объективное основание централизма. Данное положение не означает признания наличия общества как такового, самого по себе, как отдельного субъекта, представленного, например, в лице государства. В обществе нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, но эта совместность является необходимым условием их существования, а не внешней заданной неизбежностью общего пространства или общего порядка.

Централизм обеспечивает верховенство общего интереса над частным, т. е. существование общности как целого. Формы властной организации исторически многообразны, будь то личная власть вождя, монарха, президента, диктатора или парламента. В этом смысле централизму нет альтернативы, и все различия между социализмом и капитализмом представляют собой нечто вторичное. Соответственно, капиталистическое общество в США является не менее централистским образованием, чем был социалистический СССР. Весь вопрос в масштабах централизации, степени охвата ею разных сфер общественной жизни, глубине проникновения в них. Все это определяется особенностями геоисторической формулы общности, а в условиях глобализации, в первую очередь, — характером ее вхождения в систему мирового взаимодействия.

Предельно возможная всеобщая централизация приводит к так называемому тоталитаризму, рассмотрение и оценка которого вне конкретно-исторических обстоятельств не имеет смысла. Не поддается централизм однозначному определению и в плоскости оппозиции категорий демократии и диктатуры. В конечном счете все измеряется объемом ее общественно значимого наполнения, степенью направленности на выражение общественного интереса. В зависимости от соотношения частного и общественного в централизме он может быть как разрушительным, так и созидательным (конструктивным и деконструктивным) механизмом общественной организации. Как правило, борьба против централизма оборачивается борьбой против самой общности, в результате чего последняя, освободившись от централизма внутри себя, попадает в жесткую централистскую систему международных отношений. При этом отдельные члены общности становятся независимыми от нее и получают полную свободу действий, обретают статус граждан мира, способных в защите своих интересов противостоять общности в целом. В лидирующих общностях, казалось бы, неограниченно либеральных, такое противопоставление частного общественному жестко пресекается.

Самым главным при анализе места и роли централизма в общественном развитии является вопрос о соотношении экономики и политики. Здесь особенно важно исходить из верховенства общественного интереса в его отношении с частным. Как известно, политика есть концентрированное выражение экономики. В лидирующих общностях, находящихся примерно на одном уровне экономического развития, будь то целостные унитарные государства или отдельные структурные элементы федераций и конфедераций, экономический и политический либерализм взаимосогласуются друг с другом как во внутренних, так и во внешних отношениях.

В зависимых, подчиненных общностях экономический либерализм и политический централизм обеспечивают придаточный характер их существования, при этом политический централизм имеет преимущественно диктаторскую форму и во многом зависит от личностных факторов. Исходя из географических и демографических условий развития современной России и ее особого места в геополитическом мировом пространстве, создание устойчивой общественной системы, саморегулируемой на основе последовательно реализуемых принципов либерализма, в обозримом будущем представляется маловероятным. Соотношение тенденций демократизма и либерализма — с одной стороны, авторитаризма и централизма — с другой, определяется не столько внутренними, сколько внешними движущими силами развития России. Либерализм в современных условиях не обеспечивает главного — сохранения устойчивой самостоятельности в системе внешней социальной дифференциации.

Таким образом, в независимой, крупнодержавной общности, какой является Россия с ее чрезвычайно дифференцированной по экономическим возможностям и условиям жизни территориями, *сочетание политического централизма и экономического либерализма весьма проблематично, а сквозной либерализм просто несовместим с ее общностной целостностью.*

В связи с объективной незавершенностью системы материально-технического развития, невозможностью законченного сопряжения ее элементов, в хозяйственной деятельности наряду с точным расчетом, как правило, бывает необходим и риск. Его нельзя отождествлять с принятием произвольного решения вслепую. Риск в экономике — это расчет, основанный на определенной модели ее целостности, на «вычислении» ее определяющих элементов. Но поскольку система принципиально незавершима и потому многовариантна в своих построениях, то экономические отношения, будучи взаимодействием интересов, несмотря ни на какие достижения информатики, всегда сохраняют характер игры. В результате *деловой успех* всегда будет зависеть от известной доли *риска*, поскольку хозяйственная деятельность под влиянием объективных и субъективных факторов принципиально не может быть свободной от непредсказуемости течения обстоятельств. Образно говоря, рисковать может лишь тот, кто умеет считать, а выигрывает необходимо тот, кто рискует. Ясно, что в схеме жесткого централизма такой подход представляется немыслимым, а в условиях рыночных отношений без него просто не обойтись.

Безусловным преимуществом централизма на определенном этапе явился плановый подход в масштабах всего общества к сфере социального развития. Однако при отсутствии достаточной материальной базы это во многом свелось к уравнительству очереди, с одной стороны, и иерархии привилегий — с другой. Иначе говоря, процесс свелся к планированию социальной дифференциации. Либерализм предполагает неограниченность процесса обогащения и вытекающую отсюда неограниченность развития во всех сферах. Для тех, кто обогащается, нет пределов, а потому нет и цели обогащения, кроме стремления не опуститься ниже достигнутого уровня. Те, кто существует фиксированно (типа российских бюджетников), необходимо испытывают чувство обреченности и сопутствующей ей неизбежной неудовлетворенности, ибо для них задача — выжить в буквальном смысле, абсолютно. Централизм устанавливает предел обогащения, а потому упрощает проблему удовлетворенности в рамках всеобщего относительно равенства, но одновременно устанавливает и предел развития.

Всеобщая целостность общества нереализуема на основе одной программы в силу своей принципиальной незамыкаемости, несводимости к какой-либо единообразной структуре. Иначе говоря, основное противоречие целостности общественного развития в социальном плане состоит в том, что все

многообразие стоящих перед людьми задач в своей совокупности не имеет полной конечной разрешимости, причем не только по средствам, но даже по самой постановке при сведении их друг с другом в одну общую программу.

Таким образом, *управление функционированием и развитием всеобщей целостности* (общностью в целом) принципиально не может быть осуществлено сугубо централизованно. *Централизованное управление* целостностью устанавливает жесткую фиксированность ее структуры, но в общественной целостности объединены люди, наделенные суверенным сознанием, обладающие свободой воли и поведения. Чем выше уровень их развития, тем сильнее внутреннее противоречие социальной организации — между централизованным и самостоятельным управлением, где последнее относится и к отдельным индивидам. Это противоречие в конечном счете выражает межличностные отношения, и центр управления есть лишь орудие организации общественной жизни в соответствии с интересами определенных социальных групп и слоев.

Сильная авторитарная власть в условиях централизма необходима не на временный период от революционного переворота до «полной и окончательной победы», она необходима постоянно по объективной причине принципиальной системной незамыкаемости, незавершенности материально-технической целостности, когда все время требуется принимать волевые корректирующие решения в условиях хронических «прорывов» во всех сферах общественной жизни. Здесь научно-статистическими функциями не отделаешься. Поэтому сама первоначальная идея централизованного устройства общества, хотя бы этого ее сторонники или не хотят, неуклонно ведет к потребности в мудром учителе и вожде; а известная ленинская схема коллективного руководства при регулярной сменяемости, всеобщем контроле и прочем проблему не решает и является сугубо переходной, пока в процессе борьбы не останется последний член первоначального руководящего коллектива, что, собственно, и произошло на практике.

Следовательно, *централизм объективно не может достичь целей, во имя которых провозглашается*. Функционирование и развитие общественной системы оказывается подчиненным единой воле, элементы системы связываются в целое этой волей, и системы фактически нет, без действия воли она сразу же рассыпается. Поэтому централизм отвергается не потому, что он ограничивает свободу как самоцель, но как условие выживания. Централизм сам по себе не деформирует материально-техническую целостность, и уровень компетентности вождей или степень управленческой мобильности бюрократической системы здесь не главное.

Исходя из техносоциальной концепции, коллективизм, как основополагающий принцип организации производственной жизни, теоретически абсурден, поскольку провозглашает равенство в сфере, где движу-

щей силой является социальная дифференциация, а организующим началом насилие; следовательно, практически он разрушителен и нежизнеспособен, так как формально устраняет это действенное начало и подменяет его фикцией централизованного управления, якобы объективно выражающего единство всеобщих интересов, а фактически ведет к засилию бюрократической элиты, не способной обеспечить устойчивое функционирование и развитие общности.

Взаимное противопоставление централизма и либерализма на том основании, что централизм за счет сознательной планомерности преодолевает разрушительное действие стихийности, а либерализм обеспечивает недоступную для централизма свободу, *по своей социальной сути является мнимым противопоставлением. Во-первых, они одинаково порождают стихийность*, но с тою разницей, что либерализм заключает в себе стихию массового действия, а централизм — стихию единоличного произвола на всех уровнях управления. *Во-вторых, они одинаково не обеспечивают всеобщей свободы*, различаясь лишь по форме ее ограничения в разных системах социальной дифференциации. *Реальное эффективное управление необходимо включает в себя элементы централизма и либерализма, но не как «среднее арифметическое»*, а будучи свободным от их крайних значений.

Централизм, как и либерализм, — всего лишь средство сохранения, фиксирования определенной формы социальной дифференциации. К тому же историческая практика показала, что социальная структура общества в персонифицированном плане характеризуется значительной преемственностью. Можно предположить, что централизм характерен для переломных исторических моментов, при коренной смене системы социальной дифференциации; либерализм типичен для ее эволюционного развития. В своем крайнем выражении они одинаково ведут к ослаблению жизнеспособности общественного организма и одинаково неприемлемы в качестве средства его долговременного развития, ибо если централизм есть *«дорога к рабству»*, то либерализм — это путь хаоса и стихии.

Централизм необходимо ведет к авторитарному тоталитаризму, но и либерализм, доведенный до крайности, порождает условия для установления диктатуры. Только централизм начинается с установления «порядка» и кончается распадом, а либерализм начинается с анархии и кончается установлением такого же порядка, — типичный случай схождения крайностей. Видимо, прав был поэт, когда говорил, что *две вещи могут погубить мир — это хаос и порядок*. В кризисных условиях централизм и либерализм конвергируют, одинаково смещаясь к какой-либо разновидности фашизма с его главным лозунгом — идеей исключительности, провозглашаемой применительно к внутренней или внешней социальной дифференциации общности. Централизм и либерализм, воплощенные в реаль-

ных системах управления, постоянно испытывают потребность в некоторых условиях, обеспечиваемых противоположной системой. Так, централизм всегда апеллировал к сознательности членов управляемой общности, их дисциплинированности, инициативности и т. д. В свою очередь либерализм постоянно обращает взоры к государству, ожидая от него неких бесконфликтных законов, позволяющих всем обогащаться, не затрагивая ничьих интересов.

Централизм и либерализм, диктатуру и демократию нельзя рассматривать абстрактно, вне связи с конкретно-исторической формулой общности. В лидирующих (богатых) общностях существует диктатура закона, а не личностей. Свобода не зависящих друг от друга людей есть норма и ценность, поскольку свобода здесь не может быть орудием для превращения одних в средство других, диктатура личности здесь просто абсурдна. Наоборот, в отсталых (бедных) общностях свобода становится именно орудием, условием для превращения одних в средство других. Здесь устанавливается диктатура не закона, не формального равенства, а диктатура идеи справедливости, которую реализует личность. Социальная дифференциация тут будет глубже, но она регулируется. Конкретное соотношение централизма и либерализма, в конечном счете, определяется местом общности среди других общностей.

Таким образом, не следует подходить к диктатуре и демократии как самостоятельным, абсолютным ценностям со знаком плюс или минус. Есть просто разные формы организации общества, но содержание социальной организации постоянно: всегда действует техносоциальная формула общества, всегда остается фундаментальным социальным отношением отношение «цель — средство», никогда не прекращается борьба за выживание. Весь вопрос в том, как это реализуется во внутренних и внешних отношениях общности. Декларация государственников провозглашает, что если все будут исправно выполнять свои обязанности и жить в соответствии с нормами морали (не воровать и т. д.), то жизнедеятельность общности будет эффективной. Но дело заключается в сути обязанностей. В соответствии с техносоциальной формулой права и обязанности в обществе прописываются господствующими социальными группами. В отношениях между общностями диктатура и демократия сливаются воедино: отношения демократии (свободы) устанавливаются силой. В итоге сильные общности делают то, что они хотят, а слабые — то, что их заставляют.

Централизм и либерализм в равной мере опираются на утопическую абсолютистскую модель неограниченного прогресса, позволяющего решить проблему всеобщей обеспеченности средствами жизни, но при условии создания определенной социальной системы, — в этом пункте они взаимно отрицают друг друга. Тем не менее абсолютистская модель по-

зволяет реализовать в равной мере и централистскую, и либералистскую схему, одинаково утопические. Утопия централизма — добродетельный, просвещенный авторитаризм, утопия либерализма — всеобщее соблюдение правил игры. В сознании либерального общества доминирует идеология, централизм выводит на первый план общественную психологию.

Противопоставление централизма и либерализма имеет вполне определенный рациональный смысл только в границах действия техосоциальной формулы. Вне ее дискуссия сторонников централизма и либерализма имеет сугубо абстрактный характер и не может быть признана научной. В силу отсутствия эмпирической базы, — это просто схоластика, выполняющая функцию идеологического обоснования практической борьбы частных интересов. Не менее абстрактны и попытки противопоставления свободы и справедливости как принципов общественного устройства. Таким же образом противопоставляются справедливость и эффективность.

Каждая общность в соответствии с ее геоисторической формулой характеризуется своей мерой централизма, обусловленного наличием общественно необходимых затратных элементов (армия, образование, здравоохранение, культура и т. п.), на почве совместного содержания которых не возникает антагонистических противоречий, связанных с уравниловкой или просто убыточностью. *Действительное управление обществом* всегда осуществляется где-то в промежутке между крайностями тотального централизма и абсолютного либерализма, больше или меньше склоняясь в ту или иную сторону в зависимости от конкретно-исторических условий. В той и другой системе своя форма социальной дифференциации, свои слои, постоянно борющиеся за государство; и абсолютизировать разницу между этими системами не имеет смысла. При гипотетическом допущении возможности преодолеть естественно-природные ограничения материально-технического развития всякие различия между централизмом и либерализмом исчезнут, как, впрочем, исчезнут и движущие силы материально-технического развития.

Государственное управление не может не быть централизованным, но дело не в централизованности самой по себе, а в *способе управления*. Одно дело, когда государство выступает как единоличный собственник и управляет директивно-распределительными методами, и совсем другое, когда оно регулирует общественную жизнь с помощью законов, налогов, заказов и других политических и экономических методов. Конечно, всегда будет борьба за овладение государством в качестве орудия достижения чьих-то групповых и личных целей, но государство будет тем сильней, чем в большей мере окажется способным отражать интересы всей общности. А критерий здесь один — выживание. Централизм всегда отождествляется с самовластием государства, которое подминает под себя об-

щество. Но такое «ничейное» государство никому внутри общности не угрожает и таких государств просто не существует. Централизм так или иначе объективно связан с властью одних групп людей над другими, и лишь поэтому против него всегда кто-то выступает. Следовательно, понятие сильного государства неотделимо от понятия сильной общности; если в системе мировой социальной дифференциации общность является подчиненной, то ее государство может быть в какой угодно степени диктаторским и заставляющим трепетать своих подданных, но оно никогда не будет сильным. Соответственно, функционирование командно-административной системы будет эффективным, если оно обеспечит подпитку общности из внешних источников. Однако последнее достигается экономическим путем, а это требует либерализма (иначе не выдержать конкуренции). В итоге получается, что в передовых общностях складывается устойчивое единство либерализма и сильнейшей бюрократии. В остальных, подчиненных общностях преобладает централизм диктаторского типа, обеспечивающий демократизм политики открытых дверей.

Таким образом, современное (гражданское) общество имеет две тенденции развития, содержит в себе две основные модели — централизм и либерализм. Возможности роста, технического прогресса толкают к либерализму; невозможность всеобщего обеспечения средствами жизни, отбраковывание человеческого материала, осознание неравенства толкает к централизму. Преобладание черт той или иной модели определяется положением общности среди других общностей: либерализм — в господствующих общностях, централизм — в подчиненных.

Из абсолютистской модели общества логически необходимо в равной мере вытекают альтернативные конструкции централизма и либерализма. Их взаимная критика имеет сугубо антропологический характер и не опирается на какие-либо объективно-истинные теоретические основания, а вместо упорядоченной системы аргументации в ней используется набор декларативных штампов. Общеизвестное теоретическое отрицание либерализма строится на показе разрушительной сущности частной собственности, проявляющейся в неуправляемой стихии рынка, непреодолимой кризисности производства, антигуманных отношениях эксплуатации, разрушении природной среды, милитаризме и т. д. Столь же общеизвестное теоретическое отрицание централизма строится на тезисе об отсутствии заинтересованности в производительном труде в условиях государственной собственности и невозможности обеспечить эффективное управление обществом посредством жесткой командно-административной системы. Однако, кто или что мешает хорошо работать, например, в колхозе и вообще во всей системе общественного производства на основе государственной собственности? Почему общее благо не может

быть общей целью? Из абсолютистской модели общества объективно никак не вытекает, что частник необходимо будет работать лучше, чем работник государственного предприятия.

В рамках релятивистской модели общества централизм и либерализм представляют собой крайности, абстракции, в чистом виде совершенно не осуществимые.

На микроуровне разница между централизмом и либерализмом хорошо просматривается на конкретном примере реальной деятельности индивидов, в частности, по их отношению к ней, по их мотивации. Люди действуют в конечном счете во имя собственного, а не всеобщего блага, общее для них — всего лишь средство для личного, и искать здесь разницу между централизмом и либерализмом бесполезно. При действии принципа «работай хорошо и будешь жить хорошо», когда для этого не нужны ни Бог, ни идея, централизм представляется более целесообразным. Здесь понятно, как и зачем надо жить. В релятивистской модели не определить, как и зачем надо жить, потому что сначала надо просто выжить, но выжить можно только за счет других. Тогда смысложизненный вопрос не в том, как и зачем надо жить, а как оправдать уничтожение другой жизни? Без идеологии, без мифа здесь не обойтись.

Централизм и либерализм различаются по критериям и способам оценки достигнутых результатов, по самому механизму их определения. Централизм означает сугубо иерархическую персонализацию управления — безраздельную персональную власть в подведомственной области, будь то территория или социальная структура, и сугубо адресную персональную ответственность перед вышестоящей властью. Классическими примерами персональной власти и персональной ответственности за все, что происходит в общности, были монархическая и партийная система власти в России, ответственные перед «верхами» и безответственные перед «низами». Такая система личностной власти и ответственности представляет собой жесткую вертикаль, стержень, нанизывающий и пронизывающий общество. В условиях централизма непосредственным результатом деятельности, от которого зависит получаемое благо, является не столько его предметное выражение, сколько оценка деятельности со стороны вышестоящего элемента командно-административной системы (вышестоящей инстанции). В сфере действия данной системы не столь важно, что конкретно сделано, важно, чтобы было одобрено «сверху». Вся деятельность насквозь подчинена этому, вся социальная конкуренция сводится к борьбе за вышестоящее мнение. Соответственно, объективность результата подчинена иерархической субъективности оценок. Драматизм централизма начинается с того, что лидеры всех уровней, в том числе монархи, вожди и т. п., — все это обыкновенные люди, для которых

их властное положение всего лишь средство устройства собственной жизни. Не случайно наибольшей результативности и общего признания добивались те, кто превращал жизнь общности в дело всей своей жизни и потому выпадал из общего ряда носителей нормального сознания.

Либерализм характеризуется качественно иной схемой *персонализированного управления*, когда система вертикали власти имеет форму не иерархического стержня, а монолитной пирамиды, за счет чего власть на всех уровнях остается ответственной именно перед управляемой общностью. В условиях либерализма результат определяется его востребованностью обществом. Реальное выражение оценки осуществляется уже не в системе иерархических отношений, а в системе реального потребления. Такой способ оценки гораздо ближе к объективной необходимости, а потому и более действенный. Но потребительскую субъективность как критерий оценки можно формировать, например, с помощью рекламы. Так что и в данном отношении централизм и либерализм как противоположности есть всего лишь абстракции, в чистом виде не реализуемые и не поддающиеся ценностному сравнению. Действительно, что может быть лучше, чем централизм как единое системное управление обществом при условии всеобщей добродетельности? Ничего! Но коль скоро она по независящим от людей обстоятельствам отсутствует, то, что может быть лучше либерализма как полной свободы человеческих действий при условии их подчиненности единым нормам и правилам? Ничего! Но коль скоро и это отсутствует, то бессмысленно искать некую лучшую социальную систему вообще. *Нет хороших и плохих социальных устройств, есть сильные и слабые общности.*

Соответственно, теоретическое противостояние данных концепций есть в конечном счете форма идеологической борьбы, отражающей интересы определенных социальных сил в реальной экономической и социально-политической борьбе за более приемлемую структуру системы социальной дифференциации общества. Понятия истинности и ложности в контексте их общечеловеческого признания здесь просто не работают.

Полемика централиста и либерала теоретически бесплодна, поскольку с той и другой стороны она сводится только к обличительной критике, отбрасыванию позиции оппонента. Тот и другой в своей критике всегда будут правы: либерализм без элементов централизма ведет к хаосу, а всеобщий централизм — к злоупотреблениям власти и застою. В силу объективной противоречивости социальной жизни исторический спор либерализма и централизма абстрактно-теоретически не рассудить. *Реальна только борьба конкретных людей, объединенных в конкретные группы, — этнические, сословные, корпоративные, религиозные, партийные.*

Централизм — это миф, иллюзия возможности целостного развития общества и за счет этой целостности — наиболее эффективного развития.

Однако, во-первых, развитие общества, как одной глобальной социально-производственной системы, невозможно, а во-вторых, с точки зрения обеспечения общественной целостности, централизм и либерализм разнокачественны и несопоставимы. В плоскости действия техносociальной формулы общества централизм есть форма насилия, установления отношения «цель — средство» и регулирования его волевым, командно-административным путем. Экономика и политика сливаются в нераздельной, концентрированной власти: господствует тот, в чьих руках сосредоточена власть, кто близко к власти. В межобщностных отношениях централизм существует в форме империй.

Тем не менее, централизм не является исторической аномалией, это объективно обусловленный и отработанный тысячелетиями способ выживания общности, существующей на основе фиксированного производственно-природного равновесия, а по сути — социализированного, технизированного естественно-природного равновесия, иначе — истощающего окружающую среду материально-технического эволюционирования.

Либерализм есть форма насилия, отношения «цель — средство», устанавливаемого и регулируемого преимущественно экономически. Однако, для того чтобы превратить одних людей в средство для других, чисто экономических способов принуждения недостаточно, поскольку экономические отношения характеризуются симметричной взаимозависимостью продавца и покупателя. В чисто экономические отношения вступают равные партнеры, свободные, не зависящие друг от друга субъекты, целью отношений которых является выгода от взаимного дополнения, а не от неравного обмена, т. е. в чисто экономической сфере отсутствует присвоение результатов чужого труда. И в этом смысле экономическая деятельность, как только экономическая, не может быть источником прибыли (не дает превышения результата над затратами, не эффективна). Следовательно, экономические отношения в чистом виде, т. е. чисто рыночные отношения, а значит, и сотканное из них либеральное общество — это не что иное, как идеальная модель, подобная идеальным моделям в естествознании. В реальном обществе соревнование, как таковое, имеет подчиненное значение, а стержневая социообразующая функция выполняется насилием, экономическое принуждение необходимо дополняется внеэкономическим, собственно насилием в той или иной его форме, той или иной степенью опосредования. Это значит, что в действительно либеральном обществе свобода рыночных отношений предполагает и свободу внеэкономического принуждения.

В системе рыночных отношений господствует тот, у кого больше собственности, знаний, необходимых деловых качеств. Расовая, этническая, сословная, религиозная принадлежность становятся несущественными

факторами. Имея деньги, менеджера и адвоката, индивид в либеральном обществе может жить уверенно и спокойно. Но это возможно только в высокоразвитой, самостоятельной общности, где независимы друг от друга экономика и политика, где разделены ветви власти. В противном случае либерализм становится формой узаконенного грабежа (приватизация в России — типичный пример ограбления, осуществленного «законным» путем). Во внешних отношениях господствует рынок, подчинение осуществляется экономическим и технологическим путем, а для поддержания необходимого порядка создана система международных органов, санкционирующих в случае необходимости проведение международных военно-политических акций.

Противоположность централизма и либерализма относительна в том смысле, что они различаются не по отсутствию в одном случае и наличию в другом случае социальной дифференциации в обществе, а по механизму ее регулирования. Централизм предполагает приоритет власти по отношению к собственности, тогда как либерализм означает приоритет собственности по отношению к власти. Но в конечном счете власть и собственность не существуют раздельно и в своем единстве представляют собой господство одних людей над другими. Иначе говоря, сами по себе централизм и либерализм не являются ни добром, ни злом. Их оценка зависит от конкретных параметров геоисторической формулы общности, прежде всего от характера и соотношения ее внутренней и внешней социальной дифференциации. В абстракции до конца выдержанный, крайний либерализм предполагает войну всех против всех, в которой не может быть единых правил, ставящих всех участников войны в равные условия, государство здесь просто излишне. Централизм, напротив, предполагает власть государства над всеми. Однако в действительности в том и другом случае государство является орудием осуществления власти одних людей над другими.

При устойчивом развитии централизм и либерализм не являются альтернативами, проблема выбора между ними связана прежде всего с переживанием обществом кризиса, когда сами централизм и либерализм рассматриваются в качестве радикальных средств его преодоления, выступая по отношению друг к другу как болезнь и лекарство. Для жизни сильной, социально сплоченной общности противопоставление централизма и либерализма столь же отвлеченно и несущественно, как противопоставление лечебных методик для здорового человека.

Общественное развитие характеризуется единством стихийной и сознательно-целевой, плановой регулируемости. С одной стороны, человеческая жизнедеятельность просчитывается и направляется в соответствии с определенными целями, т. е. *управляется*; с другой стороны, в результате человеческой жизнедеятельности возникают непредвиденные след-

ствия, которые требуют внесения в нее необходимых корректив, т. е. человеческая жизнедеятельность *саморегулируется*. По мере роста ее масштабов значение регулируемости общественной жизни увеличивается, усиливается ответственность за принимаемые решения, поскольку растут и масштабы непредвиденных следствий. Поэтому сфера стихийной, неупорядоченной деятельности людей должна сокращаться, однако переход на всеобщее, централизованное управление общественной жизнью объективно невозможно в силу отсутствия объективной направленности ее развития вне рамок поддержания самой жизни.

Дискуссия о регулирующей роли государства в функционировании и развитии общности, строго говоря, не имеет под собой объективных оснований, если под общностью понимается управляемая система, а не простое скопление людей, требующее лишь единообразия правил поведения во избежание стихии беспорядка. Именно государство управляет общностью как целостной системой, обеспечивает ее необходимую организацию для сохранения устойчивой жизнеспособности в процессе внутреннего и внешнего взаимодействия. Используемый противниками государственного регулирования в экономике тезис о недопустимости вмешательства государства в распределение между гражданами шнурков для ботинок свидетельствует либо о непонимании сущности государства, либо об идеологической диверсии, направленной против одной общности в интересах другой.

Другое дело — вопрос, о какого рода государстве идет речь, поскольку общности с разной геоисторической формулой объективно характеризуются разными типами и формами государства. Оно может быть либо полновластным хозяином общности, заботливо-рачительным или бездумно-расточительным, либо сменно-дежурным распорядителем общности, ее поочередно-выборным управляющим. Но оно всегда остается главным регулятором отношения «цель — средство», т. е. либо непосредственно само по себе является «целью», либо является орудием в руках «цели»; соответственно, государство защищает общность от превращения ее в «средство» другой общностью, а по сути охраняет свое владение, свою территорию от всякого рода внешних посягательств.

При недостаточности сил для законного осуществления господства отношение «цель — средство» реализуется незаконным путем, а общность попадает под опеку конкурирующих друг с другом преступных группировок. Вообще понятия законности и незаконности здесь относительны, и в определенных случаях борьба правоохранительных структур с криминальными мало отличается от бандитской междоусобицы. Что касается преобладающей характеристики государства с точки зрения мотивационной направленности его функционирования, от сугубо эгоистической, уз-

когрупповой до всеобщностной, то в современном обществе она определяется местом общности в системе внешней социальной дифференциации. В частности, чем более авангардное место занимает общность в окружающем мире, тем более полно и широко она охватывается (ее граждане) действенной защитой своего государства, обеспечивающего ее положение в качестве равноправного партнера в отношениях с сильными общностями и в качестве «цели» в отношениях с более слабыми общностями.

Исходя из этого, можно более точно определиться в понимании социалистического устройства общества, по крайней мере, в двух принципиальных пунктах: во-первых, *социализм — это способ управления общностью как целостностью*, т. е. в интересах всех ее членов; во-вторых, социализм предполагает благоприятствующее положение общности в отношениях с окружающим миром. Исторический опыт советского социализма оказался неудачным по причине невыполнения второго пункта.

Идеологический спор о капитализме и коммунизме (либерализме и централизме) не является выдумкой идеологов, это реальный исторический спор (теоретический в Европе и практический в России), действительная проблема исторического выбора. При этом оба подхода к общественному развитию являются в одинаковой мере истинными (правомерными) и ложными (неправомерными) при абстрактном рассмотрении общества. В абсолютистской модели централизм, безусловно, более приемлем, ибо позволяет управлять процессом общественного роста. При всеобщем благополучии, «коммунистическом изобилии», где распределение «по потребностям», без централизма не обойтись, поскольку необходимо плановое, регулируемое развитие материального производства, жесткое обеспечение всеобщей полезной деятельности. На практике, в силу нереализуемости абсолютистской модели общества, централизм необходимо перерастает в тоталитаризм, несовместимый с изначальными целями коммунизма. Борьба либерализма и централизма здесь — это борьба несовместимых приоритетов общества и человека, в результате гуманистическая утопия реализуется в античеловеческой реальности. Коммунизм в данном случае утопичен уже просто по человеку, которого невозможно заставить работать из любви к труду. Тезис о превращении труда в первую жизненную потребность оказался искаженным в том плане, что труд изначально является первой *общественной* жизненной потребностью, т. е. потребностью общества. В условиях техносциальной формулы действует объективный закон отчуждения труда, в результате чего идея труда «на благо общества» изначально является фикцией.

В отличие от светской мифологичности централизма, либерализм не может обойтись без мифа религиозного, поскольку без Бога не объяснить и не оправдать неравенство.

Признание и осознание техносоциальной концепции общества, переход к его релятивистской модели лишает логических и исторических оснований спор либерализма и централизма, он делает его просто бессмысленным. Переход к релятивистской модели общества рождает другие типы идеологии и мифологии.

4. Управление и право.

Для существования за пределами естественно-природного равновесия недостаточно труда самого по себе, нужна и объединяющая воля, обеспечивающая единство системы его общественного разделения и, в конечном счете, — целостность общественного развития вообще. Общественное разделение труда начинается вместе с выходом за пределы естественно-природного равновесия, в рамках которого оно не нужно и невозможно. Общественное разделение труда есть форма социальной организации в условиях действия техносоциальной формулы, опосредование социальной дифференциации общества, ее предметное выражение. Оно изначально возникает не как договор, а как насилие, навязывание воли одних людей другим.

Опосредованность отношений господства и подчинения выражается в нормативном характере общественной жизни. *Нормативность* — это давно отмеченный и ставший классическим признак социальности. Однако недостаточно или вовсе не отмечено, что нормативность вытекает не просто из организованности в связи с разделением труда, а из социальной дифференцированности. *Нормы устанавливаются не для всеобщего удобства жизни и не всеобщим соглашением, а в борьбе, — они навязываются обществу господствующими социальными силами на всех уровнях социального взаимодействия — от межиндивидуального до международного.* Все это позволяет прийти к выводу, что *социальность есть особая форма отношений борьбы за существование вне пределов естественно-природного равновесия, организация общественной жизни по поводу выживания.*

В таком случае социализация человека есть его включение не просто в общественные отношения, а в систему социальной дифференциации, и социализированное (общественное) отношение человека к предметам, его социальное поведение вообще следует рассматривать через призму социальной дифференциации, действия техносоциальной формулы. Следовательно, степень социализированности, или, что то же самое, уровень социального развития, определяется степенью опосредованности борьбы за выживание, что до настоящего времени выражается в производственных отношениях, стабильностью которых измеряется стабильность общности. Соответственно, в периоды общественных кризисов, связанных с социальными революциями, когда производственные отношения становятся нестабильными, борьба за выживание становится непосредствен-

ной. Как средство выживания, на первое место выходит уже не производство, а обращение, сопровождаемое ростом преступности.

В соответствии с техносциальной формулой, в обществе нет объективно заданных норм истины, добра, красоты, а также противоположных им лжи, зла и уродства, т. е. в обществе нет ничего, кроме совместно живущих и в борьбе друг с другом выживающих людей. Интеллект, разум есть всего лишь средство их выживания, порождающее в ходе борьбы миф о некой сущности разума как такового, разума самого по себе, будь то объективно существующий абсолют или некий экзистенциал субъективной реальности.

Нормативность не разделяется ни на внутреннюю, присущую самому человеку, не зависимую от социальности (досоциальную), ни на внешнюю, надсоциальную. Любое общественное действие индивида, в конечном счете, социально опосредовано и детерминировано, будь то соблюдение или нарушение правил перехода улицы при отсутствии транспорта, оплата или неоплата чего-либо при отсутствии контроля, наконец, самопожертвование или предательство без какого-либо свидетельства. Нормы регулируют отношения между совместно живущими индивидами, разделяющимися на своих и чужих. В «своих» продолжается сам человек, здесь не требуется внешних нормативов, однако сам состав «своих» определяется конкретно-исторически.

Индивидуальные способы жизни различаются по схеме: стремление к достижению истины и победе правды (справедливости) безотносительно к результату или стремление к получению результата безотносительно к истине и правде. По формуле они не совпадают принципиально, поскольку истины как таковой (абстрактно-всеобщей, т. е. как идеи) просто не существует, а правда (справедливость) невозможна или просто отсутствует при абстрактно-всеобщем наполнении. По этой схеме различаются как индивиды, так и общности. Люди-средства выступают за истину и правду, люди-цели выступают за результат.

В абсолютистской социально-теоретической модели общества правовая и нравственная нормативность человеческого поведения обосновывается тем, что допускается возможность абсолютного выживания каждого индивида при относительных различиях способов самого проживания в соответствии с индивидуальными различиями людей по способностям или просто по стечению обстоятельств. Следовательно, в абсолютистской модели общества отсутствует объективная основа нарушения социальной нормативности, прежде всего — правовой. Имеющаяся в этой модели система права целостна и непротиворечива, в соответствии с чем преступление рассматривается в буквальном смысле, т. е. как абсолютно антиобщественное действие (умышленное или неумышленное, рацио-

нальное или иррациональное), как проявление социальной патологии, девиации, независимо от породивших ее причин.

Правовая нормативность имеет объективные основания в релятивистской модели общества и вытекает из самой техносоциальной формулы общества, по которой ему объективно присуща социальная дифференциация в качестве фундаментального общественного отношения. Социальная дифференциация не ограничивается различиями в способах проживания, а выражается в различиях по возможностям выживания как такового. Иначе говоря, когда одна жизнь необходимо базируется на разрушении другой, преступление имеет объективные основания и является нормальным фактом социального бытия, с какой бы стороны его, преступление, ни рассматривали, будь то преступление против установленного закона или признание преступным самого закона. В релятивистской модели само выживание может рассматриваться как преступление, но, в отличие от абсолютистской модели, — не поддающееся ценностному измерению. В релятивистской модели оно рационально, а в абсолютистской — иррационально.

Таким образом, существование права обусловлено наличием социальной дифференциации общества. Вне социальной дифференциации, т. е. в рамках естественной дифференциации, отношения между людьми регулируются естественным путем. Процесс социальной дифференциации регулируется правом и оценивается по нормам морали, хотя социальная дифференциация, как таковая, не поддается ни морально-ценностному, ни рационально-правовому определению, — сама по себе она не может быть ни справедливой или несправедливой, ни законной или незаконной. При этом законность и справедливость не совпадают.

Отношения между свободными людьми в условиях социальной дифференциации устанавливаются на договорной основе. Общественные отношения, как отношения между свободными людьми, представляют собой отношения взаимных обязательств. В рамках социальной дифференциации они осуществляются на договорной основе между индивидами, корпорациями, государствами. Сами договоры могут быть либо непосредственными, либо опосредованными, т. е. не требующими специального оформления в каждом конкретном случае, коими являются законы. Основная проблема договора — достижение полноты его нормативного охвата и недопущение разночтения. Эта проблема обусловлена тем, что интересы договаривающихся сторон противоположны в том смысле, что объективно каждая из них заинтересована в выполнении условий договора другой стороной, но не заинтересована в выполнении своих собственных обязательств. Поэтому главный фактор действенности договора — наличие вышестоящей третьей стороны, равноотстоящей от договаривающихся сторон и обладающей возможностью силового воздействия.

Общественный закон есть установленная, принятая правильность поведения людей. В отличие от него, *закон природы* открывается, а не устанавливается, он общезначим и объективно истинен, обозначая объективный порядок предметного бытия, будучи относительным лишь гносеологически. Он не может быть правильным или неправильным, его нельзя обойти или не признать, отвергнуть. Правовой закон относителен социально и в рамках действия техносоциальной формулы означает борьбу. Так, для вора закон представляет собой объективную данность и условность одновременно. Он признает его как данность, но игнорирует как условность, нарушает закон тайно, главное для вора — наличие или отсутствие доказательств его вины. Напротив, революционер открыто, явно отвергает закон, не признает саму его данность в качестве закона, борется с ним. Делец не протестует и не нарушает закон, он использует его в своих интересах, находит упущения в самом законе, подгоняет его под свои интересы, для чего проходит во власть или покупает ее законно (лоббизм) или незаконно (коррупция). В самом безотрадном положении оказывается среднестатистический законопослушный гражданин. Закон в большей мере действует против него, ставит его в жесткие рамки и почти не защищает реально. *Для законопослушного гражданина в законе больше обязанностей, чем прав.*

Правильность, справедливость, правосудие — все это однокоренные слова, означающие истинность поведения людей в отношениях друг с другом. Но суть вопроса в том, что отношения не могут быть истинными или ложными сами по себе. Здесь нет абсолютности в рамках объективности истины. Истина абсолютно объективна, поскольку ее критерий — обеспечение выживания, — но одновременно всегда относительна, поскольку ее критерий — не вообще, а конкретно чье-то выживание. На каждом уровне субъекта выживания (от индивида до человечества) — своя истинность отношений.

Закон есть всего лишь установленная людьми (либо путем соглашения, либо путем насилия) норма поведения. В законности нет ни объективной истинности, ни высшей справедливости, — в следовании законности есть только следование соответствию. Иначе говоря, суд не устанавливает истину и не восстанавливает справедливость, он соотносит с законом представление в деле (бумагах) тех или иных событий, но не самих событий, когда, например, тот или иной документ, не приобщенный к делу (бумагам), не имеет юридической силы, хотя бы в нем и содержалась главная информация. Отсюда, наверное, и буквальное, а не образное выражение: «это не имеет к данному делу никакого отношения».

В состязательности судебного процесса устанавливается не истина, а степень соответствия закону рассматриваемых в суде действий. Одна сторона, обвинение, доказывает их несоответствие и определяет степень этого

несоответствия. Другая сторона, защита, опровергает доводы обвинения и обосновывает либо соответствие действий закону, либо уменьшение степени несоответствия.

Поскольку закон не воплощает в себе ни объективную истинность, ни высшую справедливость, постольку борьба по поводу законности, в конечном счете, представляет собой борьбу интересов, где закон является лишь средством и средой этой борьбы. В таком случае даже борьба полицейского и преступника есть частный случай такой борьбы, в которой у каждого свои интересы: у преступника — не попасться, у полицейского — поймать. В противном случае тот и другой не смогут получить средства на свое существование в данном социальном качестве. Отсюда следует категорический вывод о том, что закон необходимо должен опираться на некий абсолют, прежде всего — мораль. Но *мораль есть миф*, хотя без него, мифа, в регулировании общественной жизни не обойтись.

Право не может быть правильным или неправильным (законы — ложными или истинными). Право может быть действенным или недейственным, обеспечивающим или не обеспечивающим власть. Право выражает конкретный интерес, поэтому борьба идет не за истинное право, а за власть, обеспечивающую реализацию определенных интересов. Дискуссии по поводу законодательства есть выражение борьбы. На индивидуальном уровне это выглядит так: юрист (адвокат) обслуживает не закон, а клиента, он должен обеспечить даже не торжество закона, а цели, потребности клиента.

Вообще получается: закон для индивидов — это только арена борьбы, условия борьбы, правила борьбы. Но и у общности в целом есть свой интерес, он выражается лидерами общности. Потому и должна быть власть легитимной. Интерес общности — ее собственное выживание и благополучие как общности. Применительно к общности *система права это система целесообразности выживания общности* как субъекта социального взаимодействия. В отношениях между индивидами с точки зрения целесообразности *право выступает как законность*, а с точки зрения абстрактно-всеобщей человечности — *как справедливость*. Обеспечение их тождества невозможно. Поэтому *законность, целесообразность, справедливость* никогда не совпадают друг с другом, находятся в состоянии противоречия.

Итак, закон как регулятор отношений между людьми сугубо относителен. Для его установления и исполнения в качестве объективного норматива необходим контроль вышестоящей силы, т. е. должны быть люди, ориентированные на объективную истину и справедливость, абсолютную законность. Но в реальной действительности нет ни абсолютной законности, ни людей, на нее ориентированных. Такое возможно лишь в случае совпадения интересов этих людей и содержания законности.

Человечество есть совокупность людей на Земле, полностью представленным самим себе. Здесь уместна аналогия с поселением группы людей на острове при полном отрыве их от общества. Никаких высших сил, регулирующих их отношения, нет, и человек может рассчитывать только на себя, людей некому рассудить и некому защитить. Но и введение закона не меняет сути дела, так как он будет всего лишь дополнительным фактором внешней среды. Тогда складывается следующая модель: на одной стороне среда с ее природными и социальными законами, на другой — люди, не связанные никакими обязательствами, не подвластные никакой высшей законности, обладающие потребностями, разумом и свободой воли, в том числе свободой в выборе средств их удовлетворения.

Нормативная сила закона действует в общности только при наличии других общностей, — именно внешнее отношение консолидирует общность. Но даже от внешнего нападения у общности нет абсолютно надежной защиты, ибо и военные люди не абсолютны в исполнении своих обязанностей.

Действенность правовой и политической систем — коренной вопрос существования общности, ибо борьба за выживание осуществляется только как групповая, межобщностная борьба. Поэтому *чем лучше организована общность, тем она сильнее и живучее.*

Каждый человек имеет право на все, что связано с его жизнью: например, открыть окно и дышать свежим, прохладным воздухом, как, впрочем, и другой человек имеет право закрыть окно, потому что ему холодно. Если это одно и то же окно, налицо одно из общественных противоречий, которые в своей всеобщности сводятся к действию техносоциальной формулы и выражаются в итоговом противоречии: *каждый имеет право на жизнь, но на всех жизненного ресурса не хватит*, в жизненном пространстве все не поместятся, кто-то оказывается лишним, потому что людям требуется большее жизненное пространство, чем то, которое они могут создать. Есть совокупная масса жизни, с одной стороны, и совокупная заявка на жизнь — с другой; масса заявленной жизни превышает массу предоставленной. То есть всегда нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Следовательно, провозглашенное право на жизнь означает не что иное, как право на борьбу с другой жизнью, и потому оно лишается самого статуса права.

Общественным нормативам придается сакральный характер, их изменение сопровождающееся обличением старых и провозглашением новых, истинно сакральных норм, в тенденции образует стремление к полному разоблачению социальной условности всяких норм, к всеобщей секуляризации, а в конечном счете к полному исчезновению тайны человека. *Вся жизнь становится публичной, а ее мотивация понятной.* На мни-

мой понятности, не опирающейся на понимание техносоциальной формулы, базируются нигилизм и цинизм, не способные адекватно сформулировать тезис о том, что *цель борьбы (а деятельность есть борьба) сводится к выживанию, но само по себе выживание бессмысленно и бесцельно*.

Сущность секуляризации общественного сознания наиболее полно выражается в рационализации нормативности, которая, в свою очередь, воплощается в интеллектуализации субъективности. Однако в ходе социальной борьбы рождаются новые мифы, религиозные и светские, сакрализируются новые сферы общественной жизни, возникают новые основания субъективности. *Бог никогда не умирает, но, вместе с тем, умирает постоянно и возрождается заново*.

Цинизм есть вызов условности и вообще нормативности, вызов, но не протест. В частности, можно не отрицать Бога (высшее выражение нормативности), но бросить ему вызов. Следовательно, цинизм — это вызов от безысходности, от отчаяния, а не от рационального осознания бытия. В цинизме есть отражение техносоциальной формулы, но нет ее понимания. Цинизм, как вызов нормативности, остается в абсолютистской модели общественного бытия. Вообще нормативность в абсолютистской и релятивистской моделях качественно различна, как, например, различен порядок на плывущем и тонущем корабле, порядок среди смертных и бессмертных людей.

Осознание техносоциальной формулы общества делает цинизм нормальным, рационально обоснованным. Цинизм отвергает условность, отвергает игру. Он позволяет человеку свободно выражать свои стремления, не прибегая к их маскировке игрой, условностью. А можно ли перевести всю общественную жизнь на принципы цинизма, т. е. полностью преодолеть условность? Условность не есть договор, скорее не условность определяет поведение (поступки) людей, а мифологичность — это, ведь, тоже условность, но не осознанная явно, не обговоренная.

Цель человеческой деятельности — получение для себя блага, а это может быть достигнуто только при получении определенного общественно признанного результата деятельности. Отметим, кстати, что специфика преступной деятельности как раз и состоит в ее направленности на получение блага непосредственно, минуя получение общественно значимых результатов.

Таким образом, *модель общественного устройства*, как единая общепринимаемая система нормативов (правил игры), *невозможна по техносоциальной формуле*. Складывание совокупности совместно живущих людей в целостную систему общества обеспечивается не единым стремлением к созданию такой системы, а *борьбой за место в ней, борьбой по определенным основаниям, вытекающим из определенности человеческого существования*. По той же причине *оказывается невозможной все-*

общая толерантность, она достижима лишь в ограниченном виде в областях (сферах) жизни, частично перекрывающих общество и не связанных с всеобщими интересами.

В основе человеческого способа жизни лежит совместная техническая деятельность по получению ресурсов, характеризующаяся техносоциальной формулой, препятствующей спонтанной самоорганизации общества, в силу чего для регулирования общественной жизни одной только координации (например, дирижирование оркестром) или согласования (например, в ООН) недостаточно. *Человеческий способ жизни базируется на управлении*, сущность которого составляет организующее насилие. *Управление, как особое явление бытия, присуще только обществу*, поскольку, во-первых, в обществе не достает природной самоорганизации для обеспечения его выживания, и именно управление обеспечивает целостность его функционирования и развития на всех уровнях; во-вторых, в силу действия техносоциальной формулы общества, обуславливающей фундаментальность отношений господства и подчинения (отношение «цель — средство») и вытекающую из этого насильственную природу управления. Управление — это всегда усилие, напряжение, без которого управляемая система угасает и распадается.

Управление необходимо там, где имеется дефицит ресурсов, оно предполагает постоянное принятие решений, составляющих организационную основу общественной жизни, ее главное содержание. Вне сферы действия формулы нет решений, ибо сущность решения состоит в выборе, определении приоритета — кто и в каком качестве остается в жизненном пространстве, а кто выбывает? Т. е., принятие решения есть определенное решение техносоциальной формулы, наполнение ее конкретным содержанием. *Управление — это всегда принуждение, оно соткано из решений, в основе которых лежит выбор приоритетов в ходе регулирования социальной дифференциации как внутри управляемой системы, так и в ее взаимодействии с другими системами.*

Традиционно проблема управления рассматривается в контексте усиления роли так называемого человеческого (субъективного) фактора в общественном развитии по мере возрастания его масштабов и сложности. Данное положение имеет определенный эмпирический смысл, но с точки зрения понимания сущности управления оно малосодержательно. Управление необходимо рассматривать на фоне закона самого общественного развития, только при этом условии можно вести речь о его социально-научном, а значит и о методологически результативном *социально-философском анализе*.

В основе управленческих решений лежат интерес и объяснительная модель окружающего мира. Интерес может быть в большей или меньшей

степени осознанным, рационально или иррационально выраженным, а объяснительная модель окружающего мира — мифологической или научной. Соответственно, управленческие решения могут быть адекватными или иллюзорными, утопическими. Но в любом случае *субъективность управления имеет объективное основание — борьбу за выживание*. В этом смысле становится понятным афоризм о том, что в политическом управлении ошибка хуже преступления. Еще точнее можно сказать, что *управление не может быть истинным или ложным, оно либо выигрышное, либо проигрышное*. Успех в управлении одной системой предполагает поражение управления другой системой. Таким образом, персонализация управления обусловлена действием техносоциальной формулы. Вне последнего обстоятельства, в абсолютистской модели общества, персонализация управления просто не нужна.

Функция управления — обеспечение целостности системы, сохранение ее функционирования и развития. Управление — это организация действий общности, направленных на получение ресурсов жизни из окружающей природной и социальной среды. Здесь два направления (два момента) управленческой деятельности: первое — занятие общностью (управляемой системой) лидирующего положения «цели» (благоприятного положения для выживания). Второе — установление и поддержание внутренней социальной дифференциации, позволяющей добиться наиболее устойчивого существования общности. В целом, сущностью управления является организационная деятельность по превращению одних людей в средство существования других, в том числе использование групп людей в качестве исполнительных орудий. Разумеется, здесь необходимо различать характер управляемых систем. Одно дело, когда речь идет об управлении помещичьим имением от имени и в интересах его владельца, и совсем другое дело — управление фирмой от имени и в интересах не только ее владельцев, но и ее работников в системе отношений фирмы с окружающей социальной средой, а тем более — управление демократическим государством, страной от имени и в интересах ее народа в системе мирового культурного, хозяйственно-политического взаимодействия. То есть следует учитывать особенности субъектного наполнения регулируемого управлением отношения «цель — средство».

Политика в свете техносоциальной формулы общества лишается своей таинственности и запутанности, становится прозрачной для понимания. В частности, обретают свой рациональный смысл тезисы о свободе политики от морали, о вседозволенности средств в получении результатов. Из скандального характера выборных кампаний с их особыми технологиями в виде «черного пиара», вбрасывания компромата, подкупа избирателей, заказных убийств и т. п. следует, что *борьба за власть — это*

борьба не за идею и всеобщее благо, а за частный интерес, столкновение людей здесь — это не столкновение идей, а столкновение интересов. Революционная борьба — по сути та же самая, но с качественно измененным составом участников.

Таким образом, *наличие управления предотвращает войну всех против всех, войну как хаос. Вместе с тем, управление не означает существования некой надобщественной силы, оно означает поддержание порядка, устанавливаемого в интересах победителей в войне всех против всех.*

Сущностное понимание управления необходимо предполагает вычленение и анализ двух свойственных ему фундаментальных моментов:

1. Спонтанная самоорганизация человеческой (общественной) жизнедеятельности принципиально невозможна по техносциальной формуле, общественная организация имеет централизующее волевое, силовое начало. Вместе с тем, это силовое начало (властный центр) по причине несовпадения общественных интересов устанавливается только в непримиримой борьбе и всегда имеет ограниченный ресурс (потенциал) регулирующего, подчиняющего воздействия на общность. Следовательно, *сфера управления изначально и всегда остается предметом бескомпромиссной борьбы — борьбы за власть, за господство над общностью.* Силовые структуры — это средство в руках власти, определенных социальных сил. Если власть ведет анитиобщностную политику, то силовые структуры просто распадаются, ибо они не могут быть средством разрушения общности по определению. Если власть слабая, то силовые структуры морально разлагаются, ибо, как люди, они играют по существующим правилам, а если это правила растаскивания национальной собственности, то они активно в этом участвуют, пользуясь своим преимуществом — владением информацией.

2. *Главной функцией управления, ради которой общность, как объект управления, терпит насилие со стороны власти, как субъекта управления, является обеспечение возможности выживания общности в окружении других общностей* и превращение их жизнедеятельности в средство ее собственного существования. При этом в лидирующих общностях власть ответственна за общество и перед обществом (перед большей частью населения), а в отстающих общностях власть ответственна за себя и перед собой (перед меньшей частью населения).

Поскольку борьба за власть в конечном счете представляет собой общественно выраженную, организованную борьбу за выживание, принципиально незавершимую в силу действия техносциальной формулы, постольку существование власти всегда будут сопровождаться наличием оппозиции, двойственной по своей социальной природе. Одно ее направление отождествляет себя с подчиненной массой населения (людей

ми — средствами), провозглашает защиту ее интересов и декларирует уничтожение самого отношения «цель — средство». Данное направление традиционно обозначается как левое. Другое направление, соответственно — правое, является составной частью господствующего населения («людей — целей»), имеющей иные интересы в общих рамках господства, конкурирующей с его властью имущей частью и борющейся с ней за более приемлемые для себя условия своего привилегированного положения.

В лидирующих общностях современного мира оппозиция не делится на левую и правую в той мере, в какой там отсутствует внутреннее разделение населения на цель и средство. Функцию последнего выполняют другие общности, т. е. отношение «цель — средство» вынесено вовне (или привносится извне в виде иностранной рабочей силы). В отстающих или изолированных общностях оппозиция вообще нетипична по причине их глубокого социального раскола и авторитарности власти, в силу чего левое движение имеет характер стихийных бунтов, а правая оппозиция реализуется в виде заговоров, и смена власти происходит по сценарию дворцовых переворотов. XX век продемонстрировал варианты левого и правого тоталитаризма, когда идеологическое единство общества оказывается настолько сильным, что не только политическая оппозиция, но даже идеологическое инакомыслие переводится в ранг уголовной преступности и подлежит абсолютному уничтожению.

В принципе, по такой же схеме разделяются власть и оппозиция в системе межобщностного социального взаимодействия. Там есть доминирующие общности, наиболее полно реализующие свое лидерство (власть), есть лидирующие общности, претендующие на передел мировой власти (правая оппозиция), и есть подчиненные общности, объективно заинтересованные в обретении самостоятельности (левая оппозиция). По мере расширения глобализации и в силу неравномерности материально-технического развития мировое сообщество будет все более стремиться к образованию данной трехэлементной социальной структуры при одновременной тенденции к перераспределению ролей в системе отношений «цель — средство».

Таким образом, *главное в понимании управления* состоит не в вопросе о признании или отрицании борьбы как сущностной характеристики управления, а *в вопросе о характере этой борьбы*, т. е. о соотношении, соподчиненности ее внутриобщностных и межобщностных отношений.

Литература:

1. Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. — М.: Политиздат, 1990.
2. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Т. 1, 2. — М., 1989.
3. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.

4. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. — Изд. 2-е. — М.: Сов. радио, 1968.
5. Гаджиев К. С. Политическая философия / Отд. экономики РАН, науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». — М.: Экономика, 1999.
6. Гаджиев К. С. Введение в геополитику: Учебник для вузов. — М.: Логос, 2000.
7. Гобозов И. А. Введение в философию истории. — Изд. 2-е, переработанное и дополненное. — М.: ТЕИС, 1999.
8. Горюнов В. П. Философия общества: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005.
9. Макаренко В. П. Главные идеологии современности. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
10. Манхейм К. Человек и общество в век преобразования. — М., 1991.
11. Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. — М.: Изд-во «НОРМА», 2000.
12. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. — Т. 1, 2. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
13. Рузавин Г. И. Основы философии истории: Учебник для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
14. Тойнби А. Дж. Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991.
15. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. — М.: АСТ, Ермак, 2004.
16. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. — М.: Экономика, 1992.
17. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — М.: Новости, 1992.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. I. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. — М.: Мысль, 1993.